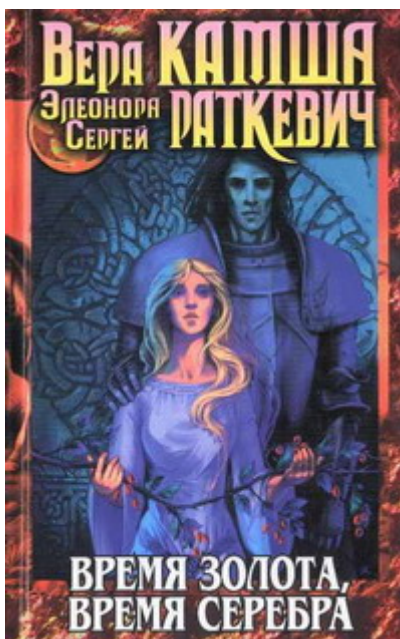

Вера Камша *Crataegus Sanguinea*. Время золота

Время золота, время серебра – 1

& SpellCheck: Молчаливый Глюк, Хоси <http://publ.lib.ru>
«Время золота, время серебра»: ЭКСМо; Москва; 2005
ISBN 5-699-14463-3

Аннотация

Кто такие гномы? Непревзойденные горных дел мастера? Или же непревзойденные воины — цверги? Опасно или выгодно для Олбарии соседство с подгорной страной Петрией?

...Это было давно. Подземные воители-цверги вышли из пещер Петрии, чтобы захватить земли жителей «верхнего мира» — землю людей. Казалось, ничто не может остановить победоносное шествие закованного в стальную броню гномьего шарта, покорявшего один край за другим. Таны Олбарии готовились принять последний, неравный бой, но неожиданно пришла помощь. Эльфы Изумрудных Островов встали рядом с олбарийцами, и захватчики были разбиты. Побежденные поклялись никогда не поднимать меч на победителей, и им разрешили вернуться в свои пещеры.

С тех пор прошли века. Эльфы исчезли, Петрия затаилась, а в мире людей честь все чаще уступала подлости, а меч — кинжалу. Занятым войнами и интригами олбарийцам стало не до старых врагов. А зря...

Вера Камша *Crataegus Sanguinea*¹. Время золота

¹ *Crataegus sanguinea* (Боярышник кроваво-красный) — распространенное в Европе деревце 4 — 6 метров высотой. Живет около 300 лет. Ветви пурпурно-коричневые с немногочисленными колючками. Цветет в мае — июне белыми цветами, собранными в густые щитки, плоды продолговатые, кроваво-красные, созревают в августе — сентябре. Осенью листья приобретают разнообразную окраску золотистых и красных оттенков. В европейской традиции боярышник считается растением духов и фей. Венок из майских цветов боярышника — знак девственности, непорочности или чудесного зачатия. Считалось, что в зарослях боярышника обитает «малый народец». Цветущий боярышник символизирует надежду и весну. В греко-римской культуре

Элеоноре Раткевич

Я помню ее только живую. Она живет в моей памяти. И когда меня не станет, ее не станет вместе со мной. Мы умрем в один и тот же миг, будто убитые одной молнией, и в этот миг для нас кончится война.

Вадим Шефнер

Пролог. Осень. Поражение

— Мы не можем его бросить, — Хьюго Дерракотт тряхнул обвязанной окровавленной тряпкой головой и едва не взвыл от боли, — не можем!..

— Сядь и успокойся! — прикрикнул Ники Глоу. Он был младше Хьюго и по годам, и по титулу, но сегодняшнее, вернее, вчерашнее сражение стерло различия. — Если сдохнешь еще и ты, никому легче не станет. Разве только Дангельту, чтоб ему провалиться!

— Провалится, — уверенно произнес Джон Лейси и объяснил, куда именно провалится Малкольм Дангельт и его прихвостни. Джон был простым стрелком, но поражение сносит стену между полководцем и ратником. Победа тоже, но лишь на мгновение, а потом возводит новую, до небес.

Хьюго поморщился и опустился на землю рядом с Фрэнси Элгеллом. Судьба провела Фрэнси через айнсвикский ад без единой царапины, но лучше б он был ранен или мертв, а Эдмунд жив. Битва давно кончилась, а Элгелл все еще видел рвущуюся вперед фигуру в залитых кровью доспехах и красно-белый стяг, стелющийся в синем небе, словно борзая. То, что сделал Эдмунд, было безумием, но другого выхода не было, если не считать бегства. Проклятый Бэнки! Предатель, мерзавец, неблагодарная тварь! Но что теперь махать руками? Даже сдохни Дангельт, даже околеет все, кто дрался за ледгундское золото, Эдмунд не встанет. Твоего короля больше нет, Фрэнси, нет и никогда не будет! Он больше не засмеется, не взмахнет рукой, не откинет назад волосы, не скажет, что ненависть порождает лишь ненависть и что страна устала от войны, в которой изначальная правота давно никого не волнует...

Сэр Фрэнсис Элгелл поднял валявшуюся у огня трехрогую ветку и швырнул в костер. Пламя вцепилось в новую добычу, что-то треснуло, к звездам взлетела стайка искр. Словно обезумевший оранжевый снег, которому вздумалось идти вверх. Лорд Элгелл подождал, пока погасла последняя искра, и встал.

— Ты куда? — подозрительно спросил Хьюго.

У бедняги начинается лихорадка, вряд ли он утром сможет идти сам. Ничего, понесем, знать бы еще куда. Бежать в Соану? В Арсалию? Поднимать восстание? Восстание во имя кого? Если повезет, они отомстят, а дальше? Олбарии нужен король, но Доаделлинов больше нет. Эдмунд был последним в роду, он вообще был последним. Больше рыцарей в этом мире не осталось, выжившие люди с золотыми шпорами и гербами не в счет. Рыцарь — это не звучный девиз и не родословная длиной в лигу, рыцарь — это милосердие, совесть, благородство, это то лучшее, что вложил в наши души Господь...

— Ты куда? — повторил Хью.

— К Эдмунду, — бросил Элгелл. Мертвый ли, живой, Эдон оставался его королем. — Конечно же, я иду к Эдмунду.

— Я с вами, милорд, — Джон неторопливо поднялся, он вообще все делал неторопливо. На первый взгляд.

боярышник выполнял роль свадебного цветка. В Британии уверены, что боярышник защищает от колдовства. Подобные же свойства приписывали боярышнику древние римляне, а вот срубившего боярышник, по мнению ирландцев, ожидало несчастье.

— С ума сошли? — не очень уверенно произнес Глоу. — Что мы можем?

Фрэнси замялся, не найдя слов. Их нашел Джон.

— Мы его похороним. — Стрелок деловито осмотрел свою перевязь. Лорд на его месте сказал бы «или умрем», но сын йентского смолокура не отличался говорливостью.

— Вы до него не доберетесь, — молчавший до этого сэр Кэтсбри покачал тяжелой головой. — Его стерегут каррийцы.

— Ублюдки. — Казалось, из горла Джона сейчас вырвется рычание.

Элгеллу тоже хотелось зарычать и вцепиться в горло победителям. Эдмунд всегда был честен с врагами и милосерден с пленными, а его швырнули в грязь у колодца для скота. Голым! И раструбили о своем подвиге на всю округу. Олбарийцы не должны усомниться в смерти побежденного короля, олбарийцы должны видеть его труп...

— Будь проклят Малкольм, — глухо произнес Хьюго и с трудом поднялся. — Дангельты не знают, что такое честь.

— Ничего, — буркнул Джон, — наш аббат говорит, мельницы Господа мелют медленно, но наверняка. Они свое получают, ой получают... И за короля, и за лягушачье золото...

— Хьюго, — Фрэнси с подозрением глянул на друга, — ты-то куда собрался?

— Я — рыцарь, — лицо Дерракотта скривилось от боли, — и я не могу...

— Можешь, — прикрикнул Глоу, — не хватало еще с тобой возиться! Сиди и жди... Если что, помянешь нас в своих молитвах. Нас и короля. Но мы вернемся...

Хьюго кивнул и послушно опустил на распластанный на земле плащ. Четверо мужчин угрюмо переглянулись и скользнули в темноту, пятый остался. Он был слишком воином, чтоб не понимать, что станет не помощью, а обузой. Он сейчас не годился ни на что, позади было поражение, впереди... Хью не знал, сколько и каких дней отпущено ему, но готов был отдать жизнь за то, чтоб похоронить своего сюзерена, и душу за то, чтоб смерть узурпатора не была легкой. Если есть справедливость, ублюдок будет подыхать долго и в полном сознании...

Рыцарь вздохнул, и это было ошибкой: боль хлестнула по виску и спине огненным кнутом. Эдмунда тоже ударили в спину, ударили, когда до прячущегося за наемников ублюдка оставалось совсем немного. Король Олбарии так и не повернул коня, влетев в вечность с боевой секирой в руках.

Выпала роса, в черном небе одно созвездие сменялось другим, ветер пошевелил ветки и уснул, а Хью сидел у костра, время от времени подбрасывая в огонь собранный Джоном хворост. Сил думать не было. Сил вообще не было, боль и та отползла куда-то, чтоб вернуться с рассветом и вцепиться в отлежавшуюся жертву. Боль не питается мертвечиной.

— Осторожно!

Вернулись! Вернулись, дьявол их побери. Дерракотт вскочил, пошатнулся, но умудрился не упасть. Закусив губу, он стоял и смотрел, как Фрэнси расстилает плащ, а стрелок укладывает на него неподвижное тело. Глоу и Кэтсбри не было, Хью не стал спрашивать, где они, все было ясно и так. Меч Фрэнси лежал на примятой траве, и кровь на нем была свежей. Хорошо, что Джон силен как бык, он нес Эдмунда, пока другие прикрывали ему спину. Хорошо, что Эдмунд не отличался богатырским сложением, хотя и был первым бойцом Олбарии... Был... Больше не будет, воин проиграл трусу...

Отгнав огрызнувшуюся боль, Хью Дерракотт стал на колени перед тем, кто еще утром носил корону Олбарии. Хотя при чем тут корона?! Хью был верен сюзерену, но любил он человека, и человек этот стоил любви как никто другой. Его любили все, кроме тех, кто ненавидел.

Эдмунд лежал на алом рыцарском плаще и, казалось, спал. Он казался хрупким и очень молодым, младше своих неполных тридцати трех. Будь прокляты убийцы во веки веков, прокляты до последнего колена! Фрэнси молча расправил темные волосы короля, нечаянно коснулся ссадины и виновато отдернул руку.

Эдмунда Доделлина убили в спину, спереди на теле виднелось лишь несколько

синяков, и еще была ободрана щека — когда победители сдирали с убитого одежду и доспехи, они не церемонились.

Джон дважды обошел поляну и остановился у куста боярышника. В здешних краях «королевский куст» растет везде. Боярышник был и на королевском гербе, боярышник и меч в серебряных ножнах. Доаделлины клялись защищать Олбарию, именно защищать. Эльфы короновали первого Доаделлина венком из цветущего боярышника, но это было давно, и это было весной, а теперь — осень, и боярышник усыпан кровавыми ягодами...

Жар костра заставил вздрогнуть темные ресницы, в сердце Хьюго встрепенулась безумная надежда, но куда там! Рука Эдмунда была ледяной, и Дерракотт сжал ладонь короля в своих, словно мог ее отогреть. На среднем пальце Эдмунд носил кольцо, память об отце, теперь оно исчезло. Мародеры или Дангельт? Хотя какая разница...

Стрелок вынул нож и принялся срезать куски дерна. Фрэнси что-то сказал, наверное, предложил помощь, Джон Лейси покачал головой, давая понять, что справится. Лорд Элгелл кивнул, отошел, сбросил куртку и принялся стаскивать с себя рубаху. Хью не сразу сообразил, зачем, а поняв, взялся за свои сапоги. Эдмунд ляжет в могилу одетым, как рыцарь.

Они кончили одевать убитого, и Фрэнси тихо сказал:

— Нужна корона...

Хью с недоумением уставился на друга. Перед боем Эдмунд велел закрепить корону поверх шлема, сейчас она, должно быть, в руках Дангельта. Серебру все равно, чью голову венчать.

— Боярышник, — решил Фрэнси, — венок из боярышника.

Алые ягоды, сменившие белые цветы. Фрэнси прав.

— Хорошо придумано, милорд, — Джон закончил срезать траву и глубоко вздохнул, словно лошадь. — Только сплести-то их как?

— Мы их привяжем, — Хьюго сорвал с шеи графскую цепь, — вот сюда...

Они сделали корону из сложенной вдвое цепи, к которой приладили листья и гроздь ягоды. Элгелл поцеловал мертвого в лоб и в скрещенные руки и осторожно возложил венец из боярышника на темные волосы. Красные ягоды казались каплями крови.

—словно сын Божий, — прошептал Джон, кусая губы, — прими Господи его душу.

— Нужно найти священника, — шепнул Хью. — Король Олбарии должен лежать в освященной земле...

— Не надо, милорды. Место здесь хорошее, чистое, а Господь и так знает, кто чего стоит. Ему, — стрелок поклонился мертвому, — ходатай не нужен, чист он. А пока искать — мало ли на кого нарвемся. Негоже, чтоб до него вдругорядь добрались.

— Вы правы, Джон, — лорд Элгелл говорил со стрелком, как с равным. — Господь не допустит, чтобы ублюдки нашли могилу и надругались над ней, хотя...

Фрэнси осекся. Хью знал, о чем тот думает, потому что сам думал о том же. Почему Господь позволил восторжествовать подлости и предательству? Почему?!

Если б Эдмунд поменьше прощал врагов и побольше думал о себе, он был бы жив! И не только он. Милосердие короля обернулось бедой для всей страны. Потому что захватившие власть за чужие деньги Дангельты будут расплачиваться с кредиторами, а кредиторы эти — исконные враги Олбарии. Потому что оголодавшие ничтожества будут драть три шкуры с народа, и пройдет не меньше сотни лет, пока они насосутся. Потому что совесть, честь и милосердие будут забыты, а править будут зависть и корысть... А совесть и честь останутся здесь, в одинокой могиле под кустом боярышника.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВЕСНА. НАШЕСТВИЕ

I

Дженни с трудом подняла тяжеленную бадью и выплеснула в корыто. Свиньи,

расталкивая друг друга, устремились к долгожданному вареву, Дженни поставила бадью на землю и утерла лоб рукавом. День только начинался, а она уже валится с ног. Ну кто ж виноват, что она уродилась такой хилой? Пока мать была здорова, они хоть как-то сводили концы с концами, но теперь на троих едоков — одна работница, и та никудышная!

— Опять стоишь, мерзавка! — Миссис Пулмсток, необъятная в своей розовой юбке и украшенном сальным пятном переднике, стояла на крыльце. — Как жрать, так за троих, а как работать, тебя и нет!

Девушка вспыхнула и помчалась на кухню, где ее ждали немытые миски и мистер Пулмсток, которого хлебом не корми, дай ущипнуть служанку. Хорошо хоть Дженни хозяин замечал, лишь когда под рукой не оказывалось Мэри или Кэт. Мэри и Кэт были красавицами, а в «Белом быке» служили потому, что им нравилось разносить вино и смеяться. Дженни им не завидовала: трактирное веселье девушку не привлекало, а раскрасневшиеся, пахнущие пивом и вином гости казались опасными, как племенной бык дядюшки Тоби. Дженни тенью скользнула в самый дальний угол и взялась за посуду, которой за утро скопилось целая гора. Девушка оттирала застывшее сало, стараясь не думать о том, что, будь она сиротой, она ушла бы из Сент-Кэтрин-Мид куда глаза глядят.

Дженни была слишком поглощена своими мыслями и грязными мисками, чтобы заметить подкравшегося хозяина, а мистер Пулмсток вообразил невесть чего. Девушка слабо вскрикнула, пытаясь высвободиться, и тут в кухню ворвалась хозяйка. Первый удар обрушился на мужа, второй — на Дженни. Оставив чепчик в лапах разъяренной толстухи, девушка бросилась вон из кухни. На лестнице один из башмаков свалился и покатился вниз, но Дженни была слишком напугана, чтобы возвращаться. Выскочив на улицу, она кинулась бежать, не разбирая дороги. Второй башмак мешал, Дженни тряхнула ногой, отшвырнув обузу в канаву. Ей казалось, что за ней гонятся все чудовища мира, сердце колотилось, из глаз текли слезы. Дженни вряд ли смогла бы объяснить, что было гаже — лапы хозяина или вопли хозяйки, ей хотелось одного: убежать, спрятаться и чтоб ее никто и никогда не нашел.

Беглянка пришла в себя только на опушке Грэмтирского леса. Она и не заметила, как пробежала чуть ли не лигу. Дженни опустилась на колени, напилась пахнущей медом и сосновыми иглами воды, а потом подобрала юбки и забрела на середину ручья. Вода стала розовой — девушка сбила ноги до крови и не заметила этого.

Все было очень плохо. Пулмстоки ее прогонят, и ее семья умрет с голоду если не летом, то зимой. Милостыню просить она не сумеет, а Джонни тем более. Милостыню просят те, кому не стыдно хватать за стремяна проезжих и кто умеет постоять за себя, добывая местечко у церкви.

Совсем рядом пискнуло, покачнулась потревоженная ветка, в воздухе мелькнуло что-то пестрое. Скворчонок! Учится летать... Смешной. Дженни невольно улыбнулась. До зимы было далеко, светило солнце, у ручья цвели незабудки, большие, куда больше, чем у деревенского пруда. Девушка нарвала цветов и сплела венок, а затем медленно побрела вверх по течению. Ручей обступили зеленые стены, отрезая Дженни от мира, в котором не прожить без силы, нахальства, денег. Возвращаться не хотелось, и девушка брела по колено в воде, пока прибрежные кусты не расступились. Сбегавшая к ручью поляна была алой от созревшей земляники. Это тоже было подарком, кусочком неожиданного счастья. Девушка собирала сладкие до горечи ягоды, жалея лишь о том, что у нее нет корзинки.

Ничего, завтра они придут сюда с Джонни, он наестся вволю, они наберут ягод для мамы. Им не помешают: в Грэмтирский лес ходят мало — кому охота продираться сквозь терновник и ежевику, а подняться по ручью никто не догадался. От того, что она узнала что-то неизвестное другим, Дженни рассмеялась. Этот лес был ее королевством, ее тайной, ее радостью. Дженни валялась в высокой траве, слушала птиц, грызла травинку и в конце концов уснула. Разбудила ее прохлада — солнце ушло, а тени выросли и лежали совсем по-другому, чем утром. Матерь Божия, она же проспала целый день!

Покидать поляну не хотелось, но нельзя же поселиться в лесу. Она не одна на белом свете, дома волнуются, а если приходила миссис Пулмсток? С нее станется! И что теперь

думает мама? Дженни опрометью бросилась к ручью, не продираться же сквозь колючие кусты, да и прямой дороги она не знает. Девушка бежала, не обращая внимания ни на стрекоз, ни на раскрывшиеся к вечеру цветы. Домой! Только домой!.. Вот и опушка, старое, побелевшее от времени бревно, одинокий, вырвавшийся из чащи куст, зеленая изгородь... Какой странный запах! Дым? Где-то горит...

В стороне Сент-Кэтрин-Мид к небу поднимались черные, крученые столбы, наверху сбивавшиеся в угрюмую тучу. Пожар?! Горит вся деревня... Вся?! Мама! Джонни!

Будь у Дженни на ногах крылья, она бы все равно опоздала.

У сорванных с петель ворот «Белого быка» лежала миссис Пулмсток, ее живот возвышался хорошо взбитой подушкой, задранная юбка закрывала лицо. Кэт и Мэри были тут же. Голова Кэт была разрублена, растрепанная Мэри сидела, прижимаясь к стене, и подвывала, правый глаз у нее заплыл, шея и грудь были в синяках. Дженни с криком бросилась к подруге, та подняла пустые глаза, замотала головой и залопотала что-то непонятное. Откуда-то выбрался Том, трактирный кот, и принялся тереться о ноги Дженни. Он был теплым и мягким.

— Дьявол! — Мэри отползала от них, указывая пальцем на Томми. — Дьявол, сгинь... Pater Noster...

— Мэри, — пролепетала Дженни, — это же я, а это — Том...

— Дьявол... Дьявол и ведьма... Ты не Дженни, ты — ведьма, ты пьешь кровь! Ты привела карликов!

Мэри вскочила, от ее щегольской юбки осталось несколько лоскутов, полные белые бедра были в потеках запекшейся крови. Дженни неуверенно шагнула вперед, Мэри с воплем «Не подходи!» бросилась бежать. Дженни сжала зубы и помчалась в другую сторону. К дому, которого не было. Сколько раз после очередной выволочки ей приходила в голову подлая мысль, что, будь она совсем одна, она бы и дня в Сент-Кэтрин-Мид не осталась. Теперь она была свободна. У нее не было ни дома, ни брата, ни мамы.

Дженни стояла и тупо смотрела на пожарище, когда слышались грубые голоса. Несколько мужчин орали песню на чужом языке. Они были пьяны — Дженни достаточно прослужила на постоялом дворе, чтоб отличать пьяное веселье от настоящей радости.

В Сент-Кэтрин-Мид кто-то был, и этот кто-то был бедой и смертью. Дженни не поняла, как выскочила из разоренной деревни, как умудрилась обойти чужаков, горланивших песни на пожарище. Пробравшись сквозь зеленую изгородь, девушка бросилась к лесу, третий раз за день повторяя один и тот же путь...

2

— Мой государь, — граф Бэнки поклонился, проклиная выступившую на лбу испарину, — дурные известия.

— Дурные известия? — переспросил Его Величество Дункан Первый. Он всегда переспрашивал, когда хотел собраться с мыслями. — Откуда?

— Нападение, — выдохнул Бэнки и осекся, поймав мрачный взгляд.

— Кто посмел? — Ноздри Дункана угрожающе раздулись.

— Ледгундцы! — пробормотал лорд канцлер. — Ледгундцы, каррийцы и куиллендцы. И еще гномы. Они сговорились...

— Этого не может быть! — рывкнул Дункан, и Бэнки сжался в комок. Он приходился королю родичем, но это ничего не значило. Дункан запросто мог послать его на плаху, чтоб, укрепив дух зрелищем отрубленной головы, вернуться к сuti донесения.

Его Величество стоял у камина, широко расставив толстые ноги и уперев руки в бедра. В молодости король был очень хорош собой, но дурные привычки и любвеобильность свое дело сделали. К сорока годам Дункан Дангельт превратился в грудку сала, но продолжал считать себя неотразимым, и для этого у него были все основания: еще ни одна дама или девица не посмела отвергнуть монаршую любовь. Дункан сидел на троне девятнадцать лет, и

все эти годы его подданные, вставая утром, не знали, доживут ли до вечера. Рубить головы тем, кто ему не нравился, король умел отменно, но воевать ему не доводилось, особенно с гномами.

При мысли о подгорных жителях Бэнки стало зябко. Вторжение не было неожиданным, еще дед Бэнки говорил, что недомерков расплодилось слишком много, а копи Петрии велики, но не бесконечны. Когда пчелам тесно в улье, они роятся, когда гномам тесно под землей, они воюют.

Железный рой, легендарный гномий шарт... Его еще никто не разбивал, по крайней мере, никто из людей. Хроники рассказывают, что происходит, когда гномы вырываются на поверхность. Опьянев от света, простора, свежего воздуха, они железной лавиной идут вперед, грабя, убивая, насилуя. Низкорослые, дорвавшиеся до дармового пива и мяса здоровяки не пропускают ни одной женщины. Им, всю жизнь корпевшим в подземельях, добывавшим, ковавшим, продававшим, нравится разрушать построенное другими. Именно так пали Магальпия и Вельта. Спустя два века пришел черед олбарийцев, но их спасли эльфы Изумрудного острова, по известной лишь им причине пришедшие на помощь смертным соседям.

Дивный народ ничего не просил взамен, просто в день, когда людей оставила надежда, в Йенну вошли белокрылые корабли, полные воинов в легких серебристых доспехах. Мечом и магией эльфы осадили обезумевших гномов, уцелевшие в битве у Эксхема уползли под землю зализывать раны, а сын эльфийского полководца взял в жены дочь эксхемского тана. Их сын стал первым королем единой Олбарии. Доаделлины правили страной пятьсот лет, они были ее мечом и щитом, сорок восемь лет назад их не стало...

Второй король новой династии оторвался от созерцания то ли собственных сапог, то ли собственного брюха и буркнул:

— Подробнее!

Пронесло! Дункан займется не дурными вестниками, а дурными вестями.

— Ваше Величество, утром четвертого дня в устье Йенны высадились ледгундская армия. Туда же, на соединение с лягушатниками, подошли каррийцы. В тот же день куиллендцы перешли перевалы Гак-Дори и Гак-Роннован и двумя клиньями ударили на Коллсвери, а гномы вышли из Петрии и движутся на Лоумпиан. Нет сомнения, что они в сговоре, а каррийцы всегда готовы предать.

Эх, зря он это сказал, ведь именно каррийцы возвели на престол отца Дункана, ударив в спину Эдмунду Доаделлину. Победители назвали предательство подвигом, каковой каррийцы при первом же удобном случае не замедлили повторить.

— Этого не может быть. — Лицо короля медленно наливалось кровью. — Якш — наш союзник... Он заключил договор...

Разумеется, заключил. И получил Сигурдовы выработки, но Феррерс осталась за людьми, а недомерки на нее давно зарятся.

— Ваше Величество! Когда гномы выходят из пещер и идут искать новые земли, их владыка над ними не властен. У них новый предводитель, который желает стать королем новых мест.

Отец Дункана тоже желал стать королем, а соседи ему помогли. Ледгундия и Якш... Гномы живут долго, подгорный правитель уже тогда знал, когда его подданные сорвутся с цепи. Если бы гномы, памятуя о древнем поражении, не рискнули выбраться из своих пещер, они бы принялись резать друг друга и трон старого хитреца зашатался бы. Вот Якш и сговорился с врагами Доаделлинов, страх перед которыми был длиннее пресловутых гномьих бород.

Старую династию уничтожили руками людей, получивших от подгорного короля золото и оружие. Дед Бэнки был одним из тех, кто взял гномье золото и ударил в спину последнему из Доаделлинов. В благодарность Малкольм Первый сначала назначил его постельничим, а затем отрубил голову. С согласия своей матушки леди Бэнки, пожелавшей видеть графом не третьего мужа, а второго сына.

Царственный внук достойной леди хмуро оглядел ее же правнука.

— Отправьте навстречу гномам де Райнора и Лэнниона и пошлите гонца наместнику Севера. Если он остановит куиллендцев — станет рыцарем Белой Цапли, нет — останется без головы. А вы, Майкл, соберете ополчение и отправитесь навстречу ледгундцам.

Легко сказать. Ополчение сползется не раньше чем через месяц, и еще вопрос, каким оно будет. Это Доаделлины в считанные дни поднимали всю страну, но кто по доброй воле станет защищать короля, обрезающего края монет и рубящего руки за охоту в королевском лесу?

Прибрежные лорды присягнут Ледгундии и не чихнут. Самые умные наверняка уже присягнули... Дьявол и Преисподняя, лорд Бэнки не самоубийца. Пусть Джеральд де Райнор ломает себе шею, Майкл Бэнки не столь глуп. Он выступит из Лоумпиана во главе ополчения, а потом сделает то же, что дед при Айнсвике. Зачем терять голову, защищая неблагодарную скотину, хоть и коронованную, если можно стать ледгундским графом? Дангельтам так и так конец: средняя Олбария достанется гномам, северная — куиллендцам, а побережье — ледгундцам.

— Ваше Величество, я сделаю все, что в моих силах.

— Этого мало. Вы разобьете ледгундцев и каррийцев или отправитесь на эшафот. А теперь ступайте...

Майкл Бэнки молча поклонился и направился к двери.

— Стойте.

Бэнки остановился, его спина покрылась холодным потом.

— Сначала прикажите приготовить мой корабль и перевезти на него малую сокровищницу...

3

Седой как лунь Лейси поворошил угли костра. Вечерело, ветер раскачивал ветви сосен, в темно-синем небе таял птичий клин.

— Мясо поспело, — объявил бывший стрелок.

— Спасибо, Джон, — улыбнулся Эдмунд, — что бы мы без тебя делали...

— Да уж точно не пропали бы, — буркнул старик, но ему было приятно. Он любил своего короля, иначе не нашел бы этот замок в лесу.

Фрэнси Элгелл поднялся и направился к седельным сумкам, в которых были вино и хлеб. Много дней, а может быть, лет назад они с Хьюго догнали Глоу и Кэтсбри на лесной опушке. Фрэнси не знал, что был убит на следующий день после Айнсвикской битвы, а Хью — что умер от ран на руках Джона Лейси. Они ничего не знали, пока не встретили Эдмунда, его улыбка разогнала туман, и рыцари вспомнили все: бой, предательство, лес, свежую могилу под кустом боярышника, ненависть, боль, безнадежную волчью тоску. Как хорошо, что все это в прошлом!

Порыв ветра растрепал пламя костра, окутал охотников облачком дыма. Фрэнси принялся открывать вино, Джон занялся мясом. Все было чудесно. Замечательный вечер после длинного удачного дня...

Эдмунд не искал ни власти, ни роскоши, он хотел мира, а не войны, хотя был рожден воином и полководцем. Теперь он обрел то, к чему всегда стремился. Неудобные злу и не поддававшиеся ему обретают если не счастье, то покой.

— Милорд, что с вами? — Джон с тревогой смотрел на вскочившего Эдмунда.

— Это другой дым, — встревоженно бросил король, — другой... Неужели не чувствуете?

Фрэнси замер, подставив лицо усиливавшемуся ветру, и кивнул:

— Ты прав, это горит Олбария...

Что ж, этого следовало ожидать. Дангельтов использовали, чтоб сломать меч Доаделлинов, теперь пришла расплата. Олбарийцы заслужили свою участь — одни предав,

другие сожрав предательство. Что ж, империи и королевства рано или поздно рушатся, на их развалинах возникает что-то новое, так было и так будет. Олбарю убили на Айнсвикском поле, не все ли равно, что станет с обломками.

— Я лежу в неосвященной земле, — очень тихо произнес Эдмунд и замолчал, но Фрэнси понял больше, чем сказал сюзерен. Упокоенные в неосвященной земле могут вернуться.

— С ума сошел? — напрягся Хьюго. — Если ты уйдешь, ты... Ты же знаешь, что с тобой будет!

— Знаю, — король улыбнулся одними губами — точно так же он улыбнулся, когда стало известно о предательстве Бэнки и Фрэнси предложил бежать. Тогда Эдмунд сказал, что умрет олбарийским королем, и сдержал свое слово, как, впрочем, и всегда.

Хью сжал зубы. Для себя Эдон уже все решил, теперь он примется их успокаивать и утешать, а они будут спорить, зная, что это бессмысленно. Король поднял с песка сосновую шишку и принялся задумчиво вертеть. Руки Эдмунда напоминали о его эльфийском предке, так же, как глаза и какая-то странная чуткость, словно у натянутой струны.

— А ты, Джон, — король ловко бросил шишку в костер и теперь в упор смотрел на старого стрелка, — ты присоединился к нам позже всех. Ты тоже думаешь, что после нас хоть потоп?

— Люди там, — вздохнул Джон, — живут себе... Я уходил, внучка замуж собралась, ух и ревела она... Уж не знаю, что с девчонкой, может, померла давным-давно, но кто-то ж остался... Хоть бы до них война не добралась.

— Видишь, Хью, — улыбнулся Эдмунд, — там остались люди... Они не виноваты ни в моей глупости, ни в подлости Дангельтов, ни в том, что гномам позарез нужны Феррерские копи, ледгундцам подавай господство на море, а куиллендцам — земли на равнинах...

— Тот, кто прав перед Господом, придет туда, где ему будет легко, — поднял голову Кэтсбри, — и встретит тех, кого любит. Мы же встретили...

Да, они встретили, им хорошо в лесном замке, где нет ни интриг, ни предателей, ни злобы. Они вместе, они свободны, они счастливы... Были счастливы, пока странный ветер не принес запах дыма и отдаленный плач. Олбария горит, но это не их война и не их печаль, они отдали этой земле все — свою кровь, свою верность, свою любовь. Смерть освобождает от любой клятвы.

— Ты прав, — кивнул Эдмунд. Он всегда соглашался с разумными доводами, но поступал по-своему. Потому они все за ним и шли. До смерти и далее.

— Ты идешь? — Фрэнси не спрашивал, а утверждал.

— Иду. — В серебристо-серых глазах мелькнуло сожаление, так бывало всегда, когда сначала принцу, а потом королю приходилось огорчать друзей. Взявшись за дело, Эдмунд не позволял себе слабости, но он не любил войну, хотя не воевать не мог — слишком много врагов посягали на Олбарю. Король виновато улыбнулся: — Я должен, Фрэнси, ты же знаешь.

— Тогда не о чем и говорить, — пожал плечами Элгелл, — но я отправляюсь с тобой.

— Мы отправляемся, — уточнил Глоу.

— Вы не можете, — покачал головой Эдмунд, — вы лежите в освященной земле, а ты, Хью, и ты, Джон, приняли последнее причастие и исповедались. Вам позволено быть со мной, вам удалось вспомнить, кем вы были, но вернуться вам не удастся.

— Эдон, — Кэтсбри попробовал зайти с другого конца, — что ты сможешь?

Что может боящийся солнечных лучей призрак, прикованный к своей могиле? Что может воин без меча, полководец без войска, король без власти, у которого нет ничего, кроме любви к предавшей его земле?

— Не знаю, — тихо сказал Эдмунд, — но это моя страна, и защищать ее мне...

Ее заметили, когда до спасительной опушки оставалось совсем немного. Несколько низких и широкоплечих фигур выбежали из-за зеленой изгороди и бросились наперерез. Дженни застыла, непонимающими глазами глядя на страх, внезапно облекшийся уродливыми телами. Один из чужаков споткнулся и, гремя железом, покатился по земле. Злобный вопль вывел Дженни из столбняка, девушка развернулась и бросилась бежать, а за ней, сопя и ругаясь, гналась смерть. Отвратительная, грязная, безжалостная... Девушка ничего не соображала, как ничего не соображает улепетывающий заяц, она не знала, кто ее преследует, но это они убили маму, Джонни, Кэт, миссис Пулмсток...

Темная стена приближалась, Дженни промчалась между высокими кустами, прыгнула в ручей, подняв тучу брызг, побежала вверх, оскользаясь на водорослях. Преследователи не отставали, Дженни слышала плеск, пыхтение, непонятные выкрики. Убийцы, кто бы они ни были, не собирались отпускать свою жертву. Девушка бежала, пока русло не перегородило упавшее дерево, через которое было не перебраться.

Плеск и сопенье сзади нарастали, и Дженни, собрав последние силы, выбралась на берег, продралась сквозь заросли таволги и оказалась на поляне, куда меньше той, на которой она уснула утром. Как же давно это было, как немыслимо, невозвратно давно! Погоня хлюпала уже совсем рядом, девушка заметалась, не зная, что делать. В зарослях у ручья затрещало, Дженни, жалко пискнув, бросилась в заросли на дальней стороне поляны, упала на землю и замерла, беззвучно шевеля губами.

Она сама не понимала, кого просит, чтоб ее не нашли, — маму ли, Божью Матерь или кого-то неведомого, но доброго и сильного, который придет и спасет.

Белая луна равнодушно выплыла из-за ветвей и осветила покрытую белыми цветами прогалину. Тени деревьев были черными и густыми, они шевелились, словно живые. Тени не были врагами, но помочь тоже не могли. Прибрежные кусты дрогнули, из них вывалился кто-то приземистый и широкоплечий, а за ним еще двое. На опушке их было больше.

Дженни со странным равнодушием смотрела на мечущихся по поляне в поисках жертвы низкорослых бородатых мужиков в блестящих железных шапках. Будь они повыше хотя бы на ладонь и иначе одеты, они сошли бы за чизейских возчиков. Ночной ветерок доносил запах пивного перегара и чего-то похожего на конский пот, но более едкого. Девушка еще сильнее вжалась в землю и попыталась отползти в глубь зарослей. Это ее и погубило: попавшаяся под руку сухая ветка пропоролла Дженни ладонь и громко треснула.

Мечущиеся фигуры замерли, затем одна протянула вперед толстую короткую руку. Раздался рев и хохот, и троица рванула на звук. Дженни вздрогнула и закрыла глаза, она больше не могла ничего, даже бояться. Из пропоротой ладони хлестала кровь, но это было неважно. Сейчас ее убьют, как маму и миссис Пулмсток, только пусть это будет сразу. Пожалуйста, пусть это будет сразу...

Резкий порыв ветра донес запах дыма, не такого, как от печи или от пожара. Горький, странно горький запах, словно жгут прошлогодние листья, но ведь сейчас весна. Дым развеялся, но раздался голос, негромкий и властный, он звучал словно бы издалека. Говорили по-олбарийски... Кто? Кто тут?! Это не они!

Дженни распахнула глаза как раз вовремя, чтоб увидеть улепетывающую в диком ужасе троицу и рвущийся к небу призрачный огонь, словно на болотах в Иванову ночь.

Мерцающая пламенная стена отгораживала Дженни от поляны, но она все равно видела кого-то стройного и с мечом у пояса. Рыцарь! Откуда? Неизвестный стоял спиной к девушке, положив руку на эфес. Он и не думал преследовать чужаков, которые, перестав быть страшными, стали смешными. Неуклюже переваливаясь на коротких кривоватых ногах, они бежали к ручью, странно вскидывая колени. Нет, не бежали — брели словно по раскисшей от дождей пашне, но ведь сейчас сухо, отчего ж эти трое барахтаются, будто пони в трясине?

Серебристый огонь не гас, он словно бы вращался в земле вместе с тонущими. Карлики пытались вырваться, но увязали глубже и глубже. Они кричали, как же они кричали, но им ответила лишь сова. Дженни, словно приросшая к земле, не могла вымолвить ни слова, неизвестный рыцарь тоже молчал. Он не двигался, лишь ночной ветер шевелил блестящие

темные волосы, слишком длинные даже для благородного лорда.

Троица продолжала биться в превратившейся в болото земле, проваливаясь по бедра, по пояс, по плечи... Крики не смолкали ни на мгновение, становясь все более хриплыми, тонущие тянулись к спасительным веткам, но кусты брезгливо отстранялись. Теперь над травой виднелись лишь мечущиеся руки и запрокинутые, непрерывно вопящие головы, затем исчезли и они, прозвучал последний приглушенный хрип, качнулись белые цветы, и все смолкло. В тот же миг угас и призрачный костер. Перед Дженни лежала обычная лесная поляна, над которой витал острый запах дыма. Рыцарь медленно обернулся, теперь девушка могла разглядеть его лицо — бледное, с высокими скулами и упрямым подбородком.

Незнакомец был еще молод, он казался спокойным, грустным и совсем не страшным. Дженни знала — этот лорд не сделает ей ничего плохого, он вообще не может сделать ничего плохого, но вдруг он сейчас исчезнет и она останется одна? Дженни торопливо выскочила из кустов и замерла на краю поляны. Рыцарь поднял на нее глаза, огромные, чуть раскосые, они светились тем самым серебристым светом, что и угаснувший костер.

— Тебе ничего не грозит, — сказал он, — не бойся.

Дженни молча кивнула, не отрывая взгляда от незнакомца. Он ее спас, ему можно верить. Теперь Дженни окончательно уверилась, что перед ней — знатный лорд, но какой-то странный. Лицо выбрито, словно у священника, а вот волосы длинные, до плеч, и одет как-то не так.

— Милорд, кто вы?

— Когда-то меня звали Эдмунд. А кто ты?

— Дженни, — девушка робко улыбнулась. Ей стало хорошо и спокойно, так спокойно, как никогда в жизни.

— Дженни, который сейчас год?

— Не знаю, милорд, — Дженни виновато вздохнула, — весна сейчас, скоро день святого Губерта, а год... Это монахи знают, и... И мистер Пулмсток знал, но его убили.

— Кто у вас король?

— Дункан, — пробормотала девушка и заученно добавила: — Храни его Господь.

— Как давно он правит?

— Давно... То есть я родилась, он уже был...

— А Малкольм? Тот, что разбил прежнего короля? Кто он Дункану?

— То был старый король, — девушка зашевелила губами, что-то припоминая, — отец нынешнего. Он долго правил...

Собеседник не ответил, тонкое лицо оставалось спокойным, но ему было очень плохо, это Дженни поняла сразу. Так смотрела мама, когда умирал отец, она уже все знала, они с Джонни еще нет.

— Милорд, — Дженни подалась вперед, — милорд... Я могу вам помочь?

Рыцарь внимательно посмотрел на девушку, и ей стало страшно и вместе с тем легко. Такое с Дженни бывало, когда она стояла у обрыва и смотрела вниз. Ей хотелось прыгнуть, она знала, что это смерть, но что-то толкало в бездну, обещая крылья.

— Когда сюда пришли гномы? — резко спросил незнакомец.

— Гномы? — растерянно повторила Дженни. — Это гномы? Но они же живут далеко... В Петрии...

— Жили, — глухо сказал ее собеседник, — а теперь они здесь.

Она не ответила... Гномы! Они уже приходили. В маминых сказках, которые так любил Джонни. Тогда был жив отец, и они жили в хорошем доме. Мама смеялась и пела, а по вечерам рассказывала сказки, в которых сначала все было страшно и плохо, а потом приходили эльфы, и все становилось хорошо. Гномов разбивали, эльфийский принц влюблялся в прекрасную девушку и женился на ней, а их сын становился королем Олбарии. Однажды Джонни спросил, что было дальше, мама промолчала, а отец закричал, что эти сказки — чушь и их нужно забыть. Потом Дженни стало не до сказок, а сейчас они ее догнали. Гномы пришли, они убивают, грабят, жгут, их доспехи не берет никакая сталь, они

не знают ни усталости, ни жалости... Но если правда про гномов, то...

Девушка с восторгом вгляделась в лицо собеседника.

— Милорд... Милорд меня простит... Милорд эльф? Дивный народ спасет нас от гномов?

— Нет, — он покачал головой, — эльфы ушли навсегда... Но остались мы...

5

Джеральд де Райнор со злостью отшвырнул попавшееся под ноги ведро. Ведро герцогу ничего плохого не сделало, но не срывать же настроение на солдатах и лошадях, они-то уж точно ни в чем не виноваты. Де Райнор несколько раз сплел и расплел пальцы, пытаясь успокоиться. Иногда это помогало. Иногда, но не сейчас.

— Джеральд, — граф Лэннион поднял ведро и поставил у двери, — не сходи с ума. Эдак ты ничего не добьешься.

— А как добьюсь? — злые рысьи глаза в упор уставились на старого вояку. — Никогда не сомневался, что Дангельт спит и видит загнать меня в преисподнюю, но чтоб вместе со мной швырнуть в пекло лучших стрелков Олбарии?! Наше место на побережье, Одри, на побережье! Ледгундцы боятся олбарийских луков... Но бросать лучников против шарта!

— Лучше бросить де Райнора против гномов, чем дожидаться, когда он поднимет меч на короля, — назидательно произнес Лэннион.

Джеральд оторопело уставился на ветерана.

— Милорд! Да за кого вы меня принимаете? Де Райноры не стреляют в олбарийцев, когда на берег лезут лягушатники!

— Успокойся, — Одри Лэннион развел руками, — я это знаю, а вот Дангельт вряд ли. Каждый, знаешь ли, судит по себе. Дункан хочет от тебя избавиться? Отплати ему тем же. Пошли Его Величество в задницу и делай, что можешь.

— Аминь! — в зеленых глазах сверкнула молния. — Милорд, как насчет горной охоты? Куиллендцы пожаловали к нам? Очень хорошо! А мы пожалуем к ним!

— Хороший план, — одобрил Лэннион, — очень хороший. Только когда ты увидишь, что творят недомерки, ты положишь всех своих людей и сдохнешь сам, прежде чем вырежут еще пару деревень.

— Сдохнешь? — на красивых губах Джеральда мелькнула тень его всегдашней улыбки. Улыбки, которая так бесила короля. — Что-то мне не верится, что дружина Лэнниона удерет, бросив нас на произвол судьбы.

— Правильно не веришь, — махнул рукой граф, — сдохнем вместе. Нужно задержать этих гадов.

— Гномы... Гномы из сказок... До сих пор не верится, — пробормотал Джеральд, ероша свои и без того спутанные светлые волосы.

— Проведи своих через Сент-Кэтрин-Мид. Они будут лучше сражаться. Мы догоним эту шваль к полудню.

— Может, выждем до вечера? Айнсвик славится пивом, пусть перепьются...

— Они от пива не засыпают, а звереют. И врасплох их не застанешь, в темноте они видят не хуже кошек. Одни гуляют, другие сторожат. На марше их не взять, я попробовал... Вернее, не я, Джекки Хендред. Не вынес того, что увидел. Зато мы теперь знаем, как гномы встречают конницу. До вчерашнего дня я думал, что у нас хорошие копыта и крепкая броня...

— Дьявольщина! — Джеральд стиснул руками столешницу так, что побелели костяшки пальцев. — Должна же на них быть управа!

— Она и была! Эльфы и Доаделлины...

— Ну, спасибо, — де Райнор зло усмехнулся. — Эльфы исчезли три сотни лет назад, а Доаделлинов мы прикончили своими руками...

— Мы? — переспросил Лэннион. — Помнится, ты родился через тринадцать лет после Айнсвика.

Джеральд махнул рукой. Внук пришедшего с первым Дангельтом обнищавшего ледгундского рыцаря, получившего титул и часть земель Элгеллов, он вырос большим олбарийцем, чем многие олбарийцы. А вот короля де Райнор не любил и не скрывал этого, он вообще был дьявольски смел. Идти в бой с Джеральдом одно удовольствие, но бой этот будет последним. Шарт — это шарт.

— Милорд! — Веснушчатый дружинник в цветах Элгеллов топтался на пороге, и лицо его было каким-то странным.

— Дэвид? — поднял бровь Джеральд. Он знал чуть ли не всех своих людей поименно.

— Милорд, тут... Ну, девчонка одна до вас просится, говорит, дело.

— Что за девчонка? — быстро спросил де Райнор.

— Обычная девчонка, местная...

— Давай сюда, вдруг что важное.

— Только, — Дэвид пару раз переступил с ноги на ногу, — сдается мне, не в себе она... Тут дело такое. Городишко ихний пожгли, она в лесу пряталась...

— Ну так какого черта?

— Сам не знаю, — воин казался удивленным, — есть в ней что-то...

— Хорошо, — положил конец сомнению Лэннион. — Пуст.

Девушка оказалась совсем молоденькой, лет семнадцати, не больше. Светленькая, худенькая, она едва доставала Джеральду до плеча и, казалось, сама не понимала, как и зачем здесь очутилась. Зато Лэннион понял, почему воин привел ее к своему лорду. Эту крестьянку нельзя было оттолкнуть, нельзя, и все тут!

Джеральд с удивлением разглядывал гостью, явно не зная, с чего начать разговор. Его начала девушка.

— Милорды, — голосок ее был звонким и нежным, а светлые глаза смотрели растерянно и грустно, но внезапно в них сверкнула сталь, и графу Одри захотелось встать и преклонить колени перед истинным величием и истинной силой. — Милорды! Олбария в опасности, наш долг остановить вторжение!

6

— Я создам тысячелетнюю державу, — Маэлсехнайли Моосбахер поднял кружку с пивом. — Люди занимают слишком много места, но кто они такие? Скоты, жалкие, грязные скоты!

— Ты прав, мой гросс!² — Толстый гном с множеством золотых цепей поверх кольчуги осушил свою кружку и впился крепкими зубами в свиной окорок. — Но у людей отменная пища.

— Потому я и не намерен истреблять всех, Ронинг, сын Кертъяльвальди. Нам нужны рабы, которые будут варить пиво, печь хлеб, коптить мясо. Я оставлю столько людей, сколько нужно, и ни на одного больше! Время, когда мы жили под землей и отдавали созданное своими руками в обмен на пищу, прошло. Мы возьмем то, что хотим, по праву сильного!

— И по праву рождения, — сверкнул глазами жрец Глубин Штребель. — Ведь мы — любимые дети самой Земли!

— Я уничтожу бесполезных людей, мне не нужны монахи, бродяги, купцы, знать, воины... Ха, — Маэлсехнайли стукнул кулаком по столу, — разве можно называть столь благородным словом жалких, тонкокостных ублюдков?

— Я против полного уничтожения знати, — покачал головой Шреппо, сын Лоппаринера, — сравни крестьянку и леди и сразу поймешь.

— Вождь не спит с переростками, — надменно произнес сын Моосбахера, — но ты

² Великий военный вождь.

прав, воины заслуживают награду за свои подвиги. Мы отберем подходящих женщин для развлечения. Благородное семя не прорастает в дурном чреве, наша раса избавлена от ублюдков.

— Это лишнее доказательство нашей избранности, — почти выкрикнул Штребель, — нашей избранности и никчемности вымерших эльфов! Если соитие эльфа и человека не является бесплодным, значит, эльфы такие же животные, как и люди. И подлежат уничтожению! Мир принадлежит гномам и только гномам! Мы — великий народ, соль земли, плоть от ее плоти, мы владеем ее недрами, но мы получим все!

— Все, что хотим, — поправил бригштандер³ Лоппаринер, — ибо зачем нам море?

— Да, — подтвердил Маэлсехнайли, — мы возьмем все, что хотим, но сначала нас ждет работа! Много работы! Я намерен короноваться в день осеннего равноденствия в главном городе переростков. Нужно спешить. Пиновац, сын Вермана, есть ли отставшие?

— Этой ночью не вернулось трое воинов бригштандера Йель-бан-Тук-унд-цу-Плаха. Дознание показало, что они углубились в лес, преследуя женщину.

— Отныне отставшие подлежат казни, — Маэлсехнайли хлопнул ладонью по залитому пивом столу, — Пиновац, проследи, чтоб начальники дезертиров, начиная с цвельфера⁴ и кончая штандером⁵, подверглись взысканию. Я не позволю распускаться!

— Слушаю, мой гросс! — вскинул руку Пиновац.

— Ступайте, — Маэлсехнайли, сын Моосбахера, махнул рукой, отпуская сподвижников. Дела шли отменно, но нельзя показывать подчиненным, что ты доволен. Подчиненные должны знать, что, как бы они ни старались, они всего не учтут. Только гросс знает все, может все и никогда не ошибается.

Моосбахер поправил на груди цепь с бриллиантом гросса. Подумать только, каких-то сто лет назад он был никем, учеником младшего гранильщика, которому было отказано в звании мастера. Каждый мастер и даже старшие подмастерья называли его просто Маэлси, паршивый Рунтер Бальзер не отдал ему руку дочери, а Борни Штакер дразнил пещерным грибом и придурком! И где теперь Рунтер и Борни? Один прикован к тачке за оскорбление Горного Владыки, а второй сломал шею в дальней штольне!

Никто не может безнаказанно вредить гроссу Моосбахеру! Старик Шест-ам-Потим думал, что Маэлсехнайли в благодарность за его подачи всю жизнь будет наполнять его тачку, как бы не так! Пусть ищет другого дурака, Маэлсехнайли создаст великую державу не для Шеста, а для себя. Придет время, и он вернется в копи Петрии и даст пинка старому мерзавцу Якшу.

Нет, он не станет завоевывать бывших соплеменников, они сами приползут к нему на брюхе, когда станет нечего жрать, но сначала нужно подчинить людей. Кто владеет людьми, тот владеет пищей. Старичье этого не понимает, а он понял. В Петрии думают, Маэлсехнайли увел тех, кто хочет корпеть над горнами и таскать руду на новом месте. Когда Якш догадается, будет поздно. Он запрет стариков в пещерах и заставит работать за еду.

Маэлсехнайли Моосбахер не будет владыкой мастеров, он будет владыкой воинов, потому что воинам принадлежит весь мир. Потом он позволит избранным завести семьи. Петрийские заправила вбили в свои медные лбы, что Феррерское царство станет платить выкуп за невест. Ха! Это петрийцы будут расплачиваться дочерьми за ветчину и пиво.

Маэлсехнайли налил себе портера и выпил. Благородный напиток, не то что красная дрянь, которую лакали проклятые эльфы и подражающая им человеческая знать. Долговязые

³ Военный вождь, изначально командующий бригштандом, соединением, в котором не менее пяти тысяч воинов, однако звание бригштандера может просто указывать на высокое положение.

⁴ Младший начальственный чин, под его началом находится двенадцать воинов.

⁵ Командующий штандом, насчитывающим от 500 до 1000 воинов.

худосочные ублюдки с гладкими мордами! Разве они знают толк в жизни?! Зеленоглазые твари не имеют прав ни на бессмертие, ни на магию, ни на глупые сказки и песни, которые про них сочиняют люди. Говорят, верхние женщины помешаны на эльфах, тем более за одно упоминание о бессмертных уродах нужно убивать, и тогда о них забудут, о них и о том, как они вступили в союз с людьми и вынудили гномов отступить. Переростки должны уяснить, что они всегда были рабами гномов, тогда они не станут бунтовать. Скотина должна вести себя тихо...

Маэлсехнайли рыгнул, любовно погладил символ гросса и вышел к воинам. Его ждали. Блеснули тысячи секир, взревели и смолкли трубы. Будущий великий повелитель, а пока гросс Маэлсехнайли сын Моосбахера с достоинством поднялся на деревянный помост на колесах и опустился в массивное, богато украшенное кресло. Сто воинов Алмазного штанда налегли на ременные петли, и платформа медленно и величественно двинулась по пыльной дороге. Вождь не ходит пешком, вождя везут его лучшие воины. Это высочайшая честь, будущее благополучие и лишняя кружка пива каждый вечер!

7

Джеральд спешил и снял с коня девушку. Это было нетрудно — Дженни была маленькой, вряд ли выше двенадцатилетней племянницы герцога, но Маржори была потяжелее. Рыцарь усмехнулся и быстро, возможно слишком быстро, повернулся к двоим стрелкам:

— Ждать здесь, из леса не выходить. Лошади пусть пасутся, но не на виду.

Воины кивнули. К тому, что их предводитель имеет обыкновение смотреть на врагов своими глазами, они привыкли. Что до девчонки, то раз взял, значит, нужна. Местные в таком деле не помешают.

Дальше шли пешком. Дженни, закусив губу, чуть ли не бежала, чтоб поспеть за широко шагающим рыцарем, но пощады не просила. Джеральд хмыкнул и сбавил шаг.

— Прости, у меня слишком длинные ноги.

Семеновавшая рядом девушка робко улыбнулась. Сейчас она ничем не напоминала ту Джейн, что ворвалась к военачальникам и именем святого Эдмунда потребовала остановить вторжение. Вчерашнюю Джейн переполняли сила и величие, которых напрочь лишен скотина Дункан, несмотря на брюхо, корону и палача в соседней комнате. Сегодняшняя Дженни, то и дело вскидывавшая на спутника светлые глазищи, была робкой, неуверенной и ужасно трогательной. За каким дьяволом эта пигалица увязалась за ним? За каким дьяволом он ее взял? Лишний раз полюбоваться на бородатых подонков?

— Дженни, возвращайся к лошадям и жди.

Она вздрогнула и сжалась, но когда ответила, в тихом голоске звучала сталь:

— Милорд, мне нужно их видеть.

Так с Джеральдом де Райнором женщины не разговаривали, так с ним вообще никто не разговаривал, даже король. Джеральд пожал плечами и пошел дальше.

Они выбрались из леса у самой скалы, о которой говорили разведчики. Вскрабкаться наверх особого труда не составляло. Для рыцаря, не для девчонки. Герцог, по своему обыкновению, хмыкнул и достал веревку.

— Привяжи к поясу.

Она очень серьезно кивнула, но завязать приличный узел у нее не вышло. Джеральд отстранил исцарапанную ручонку.

— Я сам.

Дженни не спорила, просто смотрела, как он прикрепляет веревку к кожаному солдатскому поясу.

— Вперед!

Он шел первым, стараясь подниматься помедленней. Скала, на которую они взбирались, была раз в десять выше человеческого роста. Эдакий клык, оброненный у самой

дороги забывчивым чудищем. Лезть на самый верх смысла не имело, и Джеральд облюбовал небольшую площадку, на краю которой громоздилось несколько здоровенных камней. Хорошее укрытие, сам бы он им и ограничился — гномы не имеют обыкновения пялиться вверх, но девчонка могла высунуться. Рыцарь безжалостно обломал вцепившийся в склон куст и натыкал веток между валунами. Теперь даже он сам, окажись внизу, не заподозрил бы, что на скале кто-то сидит.

Покончив с ветками, де Райнор глянул на большак и сразу заприметил длинную пылевую тучу. За час ублюдки доползут до скалы. Ничего, подождем! Джеральд с сомнением посмотрел на растрескавшийся камень, сбросил куртку, расстелил. От него не убудет проваливаться пару часов на камнях, но женщине это не пристало.

— Ложись.

Девушка аккуратно опустила на коленки и легла на живот. Джеральд видел туго заплетенную светлую косу. Дочь лорда Бэнки, которую прочили в жены лорду Элгеллу, за такие волосы отдала бы полграфства. Но зачем ему Прюдент Бэнки, хоть лысая, хоть с волосами?

Они лежали и смотрели на пыльную дорогу. Пахло пылью, в небе звенел жаворонок. У самого носа Джеральда плюхнулся кузнечик, немного посидел, шевеля усиками, подскочил и исчез. Кузнечика гномы не волновали.

— Идут, — шепнула Дженни. Так говорят бывалые воины, а не испуганные девчонки, чудом ускользнувшие от насильников.

— Вижу. — Надо бы взять ее за руку... Дьявол, какие глупости!

Джеральд вжался в землю, наблюдая, как мирный тракт заполняет чужая армия. Сквозь поднявшуюся пыль сверкнули секиры. Недомерки двигались довольно медленно, что и немудрено. Гномы шагали по восемь в ряд, они были в полном боевом облачении и в придачу перли на себе здоровенные мешки. Человек, прошагав с эдакой тяжестью пару лиг, упал бы и околел, но коренастые недомерки преспокойно топали вперед. Правда, рожи у них были красными, но герцог не обольщался, гномы славились румянцем, причем не столько на щеках, сколько на носах. По бокам и впереди остального строя шли наблюдатели в доспехах, но без мешков. На всякий случай — хотя какой может быть «всякий случай», если эти твари готовы к бою и ночью и днем.

Рыцарь покосился на свою спутницу. Губы Дженни шевелились, Джеральд решил, что девчонка молится, но она считала:

— Четыре тысячи... Четыре пятьдесят... Четыре сто...

Недомерков было около тридцати тысяч, об этом Джеральду сообщил Его Величество, отправляя герцога де Райнора и его стрелков на подвиг во имя короля и олбарийского народа. И было у герцога де Райнора пять тысяч конных лучников и тысяча тяжеловооруженных всадников. И еще пять тысяч у Лэнниона. А гномий доспех стрела не берет, зато сработанные в подземельях секиры рубят лучшую наземную сталь пусть не как масло, но как дерево.

Джеральд поморщился, проклиная жадность Дункана: в королевском арсенале хватало оружия и доспехов гномьей работы, как-никак недомерки ковали его на продажу больше пятисот лет. Герцог невольно тронул эфес, он сам и его «ястребы» вооружены не хуже недомерков, но полторы сотни конных в такой войне погоды не делают.

— ...пять, — пробормотала девушка, и тут из-за поворота выползло нечто странное. Де Райнор не представлял, как называется эта дрянь, похожая на насаженный на копье золотой горшок, утыканный сверкающими камнями. Судя по всему, эта штука заменяла обитателям подземелий знамя. По обе стороны «горшка» шагали гномы в украшенных золотой насечкой шлемах, а сзади громыхал военный оркестр, живо напомнивший рыцарю о фаластимских язычниках. Те тоже шагу не могут ступить без барабанщиков и трубачей.

Гномьих музыкантов было сотни три. Передние старательно дули в висевшие на толстых золотых цепях трубы. За трубачами шагали литавристы и барабанщики, а замыкали шествие чинчисты и дудари. Грохот стоял адский, но недомеркам, похоже, нравилось. А

может, шлемы глушат звуки или гномы затыкают уши.

Следом за оркестром из клубов пыли вынырнул ряд воинов в рогатых шлемах, а следом другие недомерки волокли водруженную на колеса платформу, на которой восседал гном в сверкающей броне, роскошной даже по подземным меркам. Подгорный Дангельт, чтоб его!

Скала была слишком далеко, да и поднятая армией пыль не позволяла рассмотреть рожу предводителя, но она наверняка была мерзкой. А может, атаковать клином, ударить в бок, прорубиться к ублюдку и снести ему голову?! Глупо, красиво и безнадежно. Атака захлебнется прежде, чем они прорвут первые ряды.

Джеральд стиснул зубы и стал смотреть дальше. За королем двигались основные силы. Двадцать тысяч! Они с Дженни заметили еще несколько платформ, на одной волокли нечто вроде золотого котла, из которого вырывались языки пламени. Пятеро гномов в шитых золотом плащах время от времени швыряли внутрь куски блестящего черного камня, кверху поднимался густой вонючий дым. Гномы молятся огню? Уж всяко не Царю Небесному и Пресветлой Деве.

За жрецами вновь потянулись воины, затем по четверо в ряд двинулись гномы в простых, но, без сомнения, хороших кольчугах с внушительными тачками, на которых лежало что-то, укрытое странного вида кожами. Припасы? Оружие? Инструмент? Даже если это обоз, его не захватить, ведь он идет внутри колонны. Да, Джеральд де Райнор, такого врага у тебя еще не было. Вот и думай, как справиться с тридцатитысячным войском, если у тебя в три раза меньше! Лэннион прав, они полягут все, а недомерки перешагнут через трупы и попрут дальше, сметая все на своем пути. Гномов может сдержат разве что крепость, но ближайший сносный замок в пяти дневных переходах, и нигде не сказано, что захватчики свернут туда...

— Милорд.

Джеральд вздрогнул и обернулся. Дженни смотрела на него пристально и строго, губы сжаты, глаза из голубых стали серыми.

— Милорд, завтра гномы выйдут к Коднору?

— Именно так, миледи.

— В таком случае не будем терять времени.

8

— Мой гросс, — Йель-бан-Тук-унд-цу-Плах застыл у подножия трона, высоко вскинув мускулистую руку. Так приветствовали вождей первые гномы, родившиеся в пещерах Великой Горы.

Маэлсехнайли выждал положенные десять ударов сердца и медленно поднял ладонь, позволяя военачальнику говорить.

— Мой вождь, впереди люди на лошадях. Они вооружены.

Наконец! Маэлсехнайли с трудом сохранял бесстрашие: подданные не должны знать, что вождь подвержен тем же страстям, что и они. Истинный повелитель уверен в себе и непроницаем, как скала. Будущий владыка холодно взглянул на замершего полководца и произнес лишь одно слово:

— Уничтожить!

Йель-бан-Тук-унд-цу-Плах резко наклонил и поднял голову, показывая, что приказ понят и будет исполнен. Сейчас взгромоздившиеся на четвероногих уродливых тварей люди напорются на несокрушимый железный строй. Жалкие потуги остановить неостановимое!

Раздалась барабанная дробь, запели трубы. Воины знали, что на них смотрит повелитель, и действовали слаженно и быстро — снимали походные выюки, разворачивались, упирали в землю древки секир. Не людям с их лошадьми прорвать живую шлемоблещущую крепость! Посмевающие сопротивляться хозяевам земли переростки сами насадят себя на железные наверхия секир.

Пришло время мести за древнее унижение! Пусть зеленоглазые уроды покинули

острова, их смертные любимчики ответят за все. Маэлсехнайли скрипнул зубами: воспоминания о древних войнах до сих пор обдавали сердце горечью и гордостью. Это было время великих героев-цвергов. Они покинули Гору и поднялись наверх, дабы завладеть миром, но наводнявшие землю эльфы оказались сильнее.

Переростки разбили подгорные армии и запретили побежденным носить мечи и поднимать руку на людей, а сменившие великих воинов жалкие мастера смирились. Было забыто все, даже старые приветствия. Гномы поколениями копались в горных недрах, не думая ни о чем, кроме тачки, горна и заработков, но этому пришел конец. Маэлсехнайли вернет своему племени славу цвергов, символы цвергов, песни цвергов. Но мечи гномам и впрямь не нужны, меч — глупость, куда лучше добрая секира. Люди не знают толка в оружии, за что и поплатятся. Сваренное на поверхности железо — дрянь и гниль. Позор тем гномам, что за ничтожную плату куют мечи и шлемы для переростков. Когда мир будет принадлежать Маэлсехнайли, забывшие гордость будут наказаны.

Будущий владыка махнул рукой, подзывая штандера Алмазных.

— Я желаю видеть, как сражаются мои воины!

Штандер отсалютовал вождю. Не прошло и двух минут, как тронная платформа начала плавно подниматься, вознося повелителя над морем рогатых шлемов. Маэлсехнайли шумно втянул воздух, предвкушая торжество. Единственным, что портило настроение, был слишком яркий свет. Глаза гномов привыкли к благородному подземному сумраку и не привыкли смотреть вдаль. Гросс с трудом различил в слепящем сиянии кучу всадников. Увы, подавленные величием и мощью подгорного войска, они не спешили бросаться на ошетилившийся секирами строй. Наконец от толпы конников отделился одинокий всадник на высокой белой лошади. Он был без шлема, и ветер трепал его желтые лохмы.

Сдается без боя? Маэлсехнайли нахмурился. Мир нужно заключать после войны, когда побежденные поймут, что покорность — единственный выход. Пусть предводитель переростков умен и понял, что сопротивляться бесполезно, это ему не поможет! Впрочем... Если желтоголовый готов служить новым хозяевам, для него найдется дело. Для него и его четвероногих тварей. Да, решено, он будет милостив с этим уродом, милостивей, чем с другими.

Желтоголовый между тем осадил свою тварь у самой обочины. Воистину, людям, особенно некоторым, стоит закрывать лица — всадник был столь же уродлив, что и эльфы. Маэлсехнайли не мог разглядеть цвета глаз чужака, но не удивился бы, окажись они зелеными. Тонкокостный, безбородый, узколицый урод поднял коня на задние ноги, приветствуя владыку гномов, но Маэлсехнайли это не понравилось. Отвратительный обычай! Переростки будут приближаться к хозяевам только пешими и преклонять оба колена. С этого приказа он и начнет разговор с новым рабом!

Желтоволосый опустил свою лошадь на четыре ноги и тряхнул лохмами.

— Вы! — Человек знал язык Горы, а дувший ему в спину ветер доносил каждое слово. — Подгорные карлики! С вами говорит Джеральд де Райнор, лорд Элгеллский, и говорит первый и последний раз! Бросьте оружие, выдайте тех, кто убивал и грабил, и я позволю вам обратиться в ваши норы. Даю на размышление три дня и ни часом больше!

Белая лошадь вновь взвилась на дыбы, молотя в воздухе копытами, отскочила назад, развернулась и понеслась через поле. Дождаться ответа Джеральд де Райнор не стал.

9

Дженни не могла оторвать глаз от приближающегося всадника, словно вылетевшего из волшебных снов и маминых песен. Вот таким он и был, эльфийский принц Эдельфлед, задержавшийся среди людей из любви к черноокой Доаде.

Джеральд де Райнор осадил коня, спрыгнул на землю и засмеялся, сверкнув белоснежными зубами.

— Моя леди, я ничего не напутал?

Его леди? Его?! Дженни вспыхнула, не зная, что отвечать, потом ее губы шевельнулись, и она услышала собственный голос:

— Милорд, вы сказали то, что нужно, и так, как нужно.

— Надеюсь. — Герцог посмотрел на девушку, и та утонула в изумрудных озерах. — Ведь недомерки скорее лают, чем говорят, а я все-таки не собака.

Не собака... Дженни не взялась бы сказать, кто этот рыцарь, на которого она с трудом осмеливалась поднять глаза, а потом не могла их отвести. Армия прозвала его Золотым Герцогом, и это имя ему шло. Джеральд де Райнор был сном, мечтой, утренней звездой. Других Дженни почти не замечала, даже милорда Лэнниона.

— Моя леди, — де Райнор изысканно поклонился, — нам пора. Вы позволите?

Дженни кивнула, разрешая посадить себя на лошадь. Сильные руки подхватили ее, и девушка прикрыла глаза, молясь, чтобы это мгновение длилось вечно. Позавчера она была трактирной судомойкой, сегодня судьба вознесла ее в седло первого рыцаря Олбарии, то есть не ее... У Дженни хватало ума понять, что, не будь встречи в Грэмтирском лесу, Золотой Герцог ее разве что пожалел бы мимоходом, как жалел всех жителей сожженных деревень. Дженни из Сент-Кэтрин-Мид была никем, но стала голосом мертвого короля. Это перед его волей и его умом склонились опытные воины, а Дженни не более чем губы, которые произносят чужие слова.

Когда война закончится, она станет сама собой и будет никому не нужна. Дженни оглянулась на Джеральда, и тот почувствовал взгляд.

— Чего желает моя леди?

Если б Дженни осмелилась, она бы сказала, что ее единственное желание — всю жизнь ехать с ним на одном коне среди шелестящих буков, но с Золотым Герцогом говорила не она, а Эдмунд Доаделлин.

— Милорд, вы уверены, что люди ушли? — Сердце Дженни бешено заколотилось, как всегда, когда она становилась кем-то сильным и чужим.

— Их предупредили, — Джеральд вздохнул, — но крестьяне слишком привязаны к земле, а сейчас разгар сенокоса.

— На пути гномов не должно остаться ни одного человека. Ни одного! Тех, кто не уйдет сам, следует согнать с мест силой.

— Леди Джейн права. — Она и не заметила, что граф Лэннион едет рядом. — Я послал вперед два отряда. Недомерков ждут пустые деревни.

— Пока только пустые. — Дженни сама боялась слетавших с ее губ слов. — Пищи и воды должно быть вдоволь, пусть гномы углубятся в Коднорские холмы, не задумываясь о припасах.

— Мы помним, — в голосе Лэнниона послышалась сталь, — месть нужно подавать в холодном виде.

10

Наглеца на белой лошади он покарает так, что об этом сложат легенды. Поймавший переростка, осмелившегося оскорблять гномов, станет штандером и получит право вступить в брак одним из первых. Жаль, люди все на одно лицо, если ублюдок слезет с коня и обрежет патлы, его можно не узнать...

— Мой вождь, — бригштандер Йель-бан-Тук-унд-цу-Плах казался опечаленным, — ублюдки отступили. Мы не можем их преследовать, их кони слишком быстрые...

Еще бы! Гномы надеются на свою выносливость и свои ноги, а не на гривастых тварей. Это достойно, но разумно ли?

Маэлсехнайли наморщил лоб, стараясь не упустить осенившей его мысли. Да, в пещерах лошади не нужны, но теперь гномы вышли наверх, и вышли навсегда. Негоже повелителям таскать на себе груз, когда одни скоты додумались навьючивать других. Конечно, можно наловить людей и заставить везти припасы, но на каждого возчика

понадобится цепь, а на каждый десяток рабов — надсмотрщик. А где взять металл и подходящие горны? К тому же воины, которых приставят к скотине, будут оскорблены. С другой стороны, будь у Йель-бан-Тук-унд-цу-Плахы лошади, он бы догнал струсивших людей и их патлатого предводителя.

Маэлсехнайли решил.

— Нам нужны лошади для боя и перевозки тяжестей, — вождь хмуро взглянул на приближенных. — Гномы не должны уступать переросткам в быстроте.

Мудрость и прозорливость принятого решения подтвердились в первой же деревне. Люди были предупреждены и ушли, бросив все. Правда, пищи в оставленных домах и амбарах хватало, нашлось и пиво, но переростки угнали не только мясную скотину, но и лошадей. Пустыми оказались и следующие деревни.

Вдоль дороги тянулись неширокие поля, за которыми маячил лес. В Олбарии слишком много деревьев, больше, чем нужно для шахтных креплений. Леса бесполезны, и в них могут найти убежище непокорные. Когда он станет повелителем острова, он заставит рабов вырубить лишние леса. Пусть рубят эти гадкие деревья. Рубят, жгут и сами горят вместе с ними!

Жара становилась невыносимой, пора было останавливаться на отдых, в этой проклятой стране двигаться можно только ночью и в сумерках. В Маэлсехнайли начинал кипеть гнев, но, к счастью, в стороне от дороги замаячили невысокие каменные стены. Людей в спешно брошенном аббатстве не оказалось, зато отыскивались лошади. Не так уж и много, но все великое начинается с малого. Маэлсехнайли самолично осмотрел добычу. На лугу у внешней ограды паслось семь худых высоких тварей и четверо прямо-таки огромных, около которых крутились два детеныша. Маэлсехнайли остался доволен. Большие кони понесут на спинах стрелковые и дозорные вышки, средние сгодятся для преследования удирающего врага.

Подбегавший десятник доложил, что внутри в сарае стоит еще один высокий конь и три лошади поменьше. Их Маэлсехнайли осмотрел лично. Плотные гривастые красавчики как нельзя лучше подходили для гномов. Вождь даже задумался, не сменить ли тронную платформу на конскую спину, но решил, что это будет неправильным. Трон не должен пустовать, это может навести того же Пиноваца на опасные мысли.

Покинув конюшню, гросс проследовал в людское капище, утыканное грубо вырезанными статуями. На стенах были намалеваны уродливые долговязые всадники на белых тонконогих лошадях, гривы которых украшали цветы. Эльфы! Раньше Маэлсехнайли подобные росписи приказывал уничтожать, но на сей раз картины помиловали. Пусть послужат гномам — будущим наездникам надо знать, как ездить верхом. Ничего сложного, но посмотреть не мешает! А вот сооружение передвижных башен требует времени, и начинать нужно немедленно.

В подвалах аббатства хватало снеди и пива, а в сараях сухого дерева, и Маэлсехнайли распорядился о дневке. Разумеется, все войско внутрь старых стен не влезло, но это и не требовалось. Гномы достали лопаты и быстро окопались, соорудив временный лагерь, в центре которого возвышался монастырь, куда помимо вождей и жрецов были допущены мастера. Им предстояло заняться стрельницами.

В том, что его приказание будет исполнено, Маэлсехнайли не сомневался: гномы знали толк в повиновении, и повелитель с чистой совестью отправился отдыхать, напоследок поручив Ронингу заняться верховыми лошадьми. Толстяк отдал честь и незамедлительно отправился в храм ознакомиться с фресками, где особое внимание обратил на вплетенные в гривы цветы. Цветы Ронингу не нравились, он от них чихал, но саму идею разукрасить скакунов толстый гном одобрил, прикинув, что лучше всего подойдут украшенные драгоценными камнями золотые сетки.

Большой ценитель красоты и величия, Ронинг решил со временем обзавестись конным портретом.

Приняв решение, военачальник проследовал на конюшню, внимательно осмотрел

трофейных животных и остановился на крепком пятнистом скакуне, чья широкая, словно диван, спина показалась любящему удобства Ронингу весьма надежной.

Никогда не имевший дело с лошадьми Ронинг и представить не мог, что пегая Негодяйка, во-первых, не зря заслужила свое имя, а во-вторых, была на последнем месяце жеребости. К весне и без того склочный характер будущей мамыши испортился окончательно, почему, собственно говоря, она и попала в руки завоевателей — убегающим монахам было не до лошадиных капризов. Так же, как и Ронингу.

Гном вытащил ошарашенную пони за недоуздок во двор и бодро полез на спину беременной леди. Леди от подобной наглости застыла как вкопанная. Отец эконома и тот с апреля не ездил на Негодяйке, навещая ее исключительно с яблоками и морковью, а тут приперся дурно пахнущий недомерок... Удивление сменилось возмущением — да что он себе, в конце концов, позволяет?!

Может, для гномов Ронинг и был важной персоной, но для Негодяйки он был вонючим наглецом и вдобавок косоруким неумехой! Яростно взвизгнув, кобыла укусила нахала за ногу и наподдала задом. Перелетев через Негодяйкину голову, толстяк тяжело грохнулся на землю, чуть не откусив себе язык, а пони резво порысила к распахнутым воротам.

Не желая признавать поражение, Ронинг ухватился за пышный хвост. Это было ошибкой: копыта у пони очень твердые, а ножки хоть и коротенькие, но сильные. Нет, не красоваться Ронингу на конном портрете под восхищенными взорами потомков! Да и появление этих самых потомков после меткого кобыльего пинка оказалось под большим вопросом...

Наблюдавшие за Ронингом Штак-бан-Хорден-унд-цу-Беер и Йель-бан-Тук-унд-цу-Плах держали за недоуздки доставшихся им жеребчиков — отца и сына. При виде постигшего начальство несчастья полководцы выпустили скакунов и бросились на помощь, чем пони и воспользовались. Втянув ноздрями воздух, они незамедлительно устремились к пруду, у которого паслась пожилая кобыла из славного рода першеронов.

Внушительных размеров леди лениво встряхивала хвостом, меланхолично переступая похожими на колонны мохнатыми ногами с копытами величиной с добрую тарелку. В сравнении со свалившимися на ее голову ухажерами она могла сойти за слона, что, впрочем, кавалеров не волновало. Жеребцы-пони нрав имели самый гномий: неукротимый и озабоченный, так что случившиеся рядом воины получили возможность взглянуть на себя со стороны. Впрочем, подгорные мужчины были о себе слишком высокого мнения, чтобы заметить сходство.

Шум и беготня во дворе привлекли внимание еще одной значительной персоны. Штребель не смог уснуть и вышел посмотреть, что происходит. Он появился как раз вовремя, чтоб увидеть корчащегося на камнях Ронинга и улепетывавших пони. Это было возмутительно, и жрец решил собственным примером доказать, что гномам подвластно все. В том числе и лошади, вернее, лошадь, так как стоящий во втором от конца конюшни стойле жирный жеребчик с горбоносой головой, мощной шеей и загадочными красными глазками оказался единственным. Этот невысокий по людским меркам трехлетка по имени Молодец переживал не лучшие времена — смену зубов. На его недобром лице застыло недвусмысленное: «Пошли вон, ненавижу», но Штребель в лошадиных настроениях не разбирался, да и откуда бы?

Верховный жрец посмотрел на животное, которое ему предстояло покорить, и поежился. Конь стоял смирно и все равно был слишком высок. Для пущей уверенности Штребель вытащил серебряную флягу с горючей водой, отхлебнул и огляделся по сторонам. Увы, будущий наездник знал о верховой езде лишь по встреченным на дороге всадникам и фрескам, на которых были изображены эльфы. Дивный народ седел и уздечек не признавал, а с лошадьми договаривался каким-то особенным способом. Наблюдательный Штребель тем не менее обратил внимание на штуку из ремней, которая была на морде лошади желтоволосого переростка. Точно такие же висели на стенах конюшни. Жрец снял одну и вошел в стойло.

Молодец шумно обнюхал неожиданного визитера. Пахло непривычно и в целом противно, но в струе пакостных запахов прослеживалось что-то, живо коня заинтересовавшее. Жеребец задумчиво фыркнул, и тут пахучий незнакомец принялся подпрыгивать, пытаясь натянуть на его, Молодца, неприкосновенную морду уздечку! Шансы выйти из конюшни живым и здоровым у гнома истаяли, когда он заехал удилами коню по зубам. Давно шатавшийся резец вылетел, а не оценивший нечаянного благодеяния Молодец опустил обе передних ноги в новеньких подковах на голову вонючки. Штребель рухнул на четвереньки, от верной смерти его спас только шлем. Более испуганный, нежели разгневанный, жрец попытался убраться восвояси, но не тут-то было! В восторге от неожиданного развлечения жеребец вцепился в вылезший из-под кольчуги кожаный ворот и сам повлек пленника к выходу, подбадривая его передними копытами. К концу схватки конь потерял еще два молочных зуба, застрявших в жреческом плаще, и приобрел более чем наполовину заполненную флягу.

Раскусив мягкое серебро, Молодец вылизал трофейное пойло, фыркнул и отправился на прогулку. Этого Штребель уже не видел, озабоченный лишь тем, как скрыть свой позор от толпящихся во дворе воинов и побыстрее сменить изуродованный шлем. Ему повезло — караулы были расставлены так, что, с одной стороны, исключали вторжение извне и, с другой, — не беспокоили отдыхающих вождей, а гномы-мастера, собравшиеся в бывшей трапезной, ели мясо, пили пиво и вдохновенно обсуждали передвижные дозорные башни, кои предстояло установить на спинах першеронов.

Покончив с обедом, мастера взялись за чертежи, затем снова за пиво и наконец с чувством выполненного долга отошли ко сну, оставив в трапезной гору объедков и нескольких особо уставших товарищей, храпящих прямо на драгоценных свитках.

Дверь закрыть гномы забыли, чем немедленно воспользовался враг. Нет, это был не человек, так как прорваться сквозь внешний лагерь и многочисленные караулы было невозможно, супостат отыскался в самом сердце захваченного аббатства и был не кем иным, как уже упоминавшимся Молодцом, явившимся на запах. Жеребчик ввалился в трапезную и принялся за дело. Нажрался разбросанного по столам и полу хлеба, брезгливо хрюкнул над грудой обглоданных костей, вылизал солидную глиняную миску с медом и нахлебался пива, благо размеры кружек позволяли засунуть туда полголовы.

В благодарность за угощение конь содрал со стены гобелен с ненавистными гномам светлыми всадниками, слегка его погрыз, справил большую нужду и совсем уж собрался восвояси, но тут его внимание привлек шуршавший на сквозняке свиток с чертежом.

Молодец подошел поближе, фыркнул на спящих гномов и осторожно пошевелил губой чертеж. Пергамент зашелестел. Жеребец цапнул его зубами и потащил. Один из мастеров проснулся, увидел в полутьме красноглазое чудище с драгоценным свитком в зубах и с ревом бросился выручать чертеж. Ага! Пьяному Молодцу, как и пьяному гному, море было по колено. Высоко вздымая на совесть кованные задние ноги, похититель, не разжимая зубов, выскочил во двор. Сделав пару кругов галопом, жеребчик выронил-таки свиток, но разобрать нарисованное уже не представлялось возможным.

Гномы, как и следовало ожидать, остановились в Айнсвикском аббатстве. Джеральд со странной смесью ненависти и восхищения следил, как вокруг древних стен стремительно возникает походный городок. Солнце стояло высоко, и притаившийся в ветвях одинокого дерева герцог мог во всех подробностях разглядеть шевелящийся муравейник, именно муравейник, потому что каждый недомерок знал свое место и делал то, что положено делать именно ему. Одни охраняли, другие работали, кто-то копал рвы, кто-то устанавливал палатки, кто-то разводил костры, кто-то носил воду. Не было ни суеты, ни путаницы, завоеватели были готовы встретить любую неожиданность. Джеральд еще раз оглядел кишасщее гномами пространство и собрался спускаться, как вдруг внимание герцога

привлекло какое-то оживление.

Де Райнор не сразу сообразил, чем занимаются десятка три гномов, осторожно окружавших мирно пасущихся лошадей, вернее, кляч. В спешке покидавшие аббатство монахи захватили с собой лишь самое ценное, но водовозные одры годились разве что для живодерни. Гномы этого не знали. Джеральд с некоторой оторопью наблюдал, как завоеватели, не озаботившись ни седлами, ни уздечками, лезут на захваченных кляч. Те, впрочем, и не думали протестовать, смиренные и работающие, они стояли понуро, но спокойно, передними ногами не пинались, задними не лягались, убежать не пробовали. Наконец наездники кое-как утвердились на костлявых спинах, подсаживавшие приятелей гномы расступились, и тут умудренный пегий мерин тронулся с места. Это послужило сигналом. Семь лошадей красиво выстроились гуськом и мерным шагом куда-то двинулись по собственному почину: вцепившиеся в гривы коротконогие гномы при всем желании не могли управлять своими скакунами.

Джеральд проследил взглядом направление и сразу же разгадал замысел пегого стратега. Неподалеку от выпаса находилась огромная стоячая лужа, не пересохшая, несмотря на сильнейшую жару. Золотому Герцогу не раз доводилось видеть, как лошади завозили в грязь оседлавших их мальчишек, где и ложились, вынуждая горе-рыцарей слезать и бежать отмываться к ближайшей речке. То же удовольствие ждало и гномов. Предводительствуемые пегашом клячи добрались до дурно пахнущего водоема, забрались на самую середину и дружно улеглись. Им было хорошо, всадникам — нет.

Сзади раздался с трудом подавленный смешок. Джеральд резко обернулся: Дэвид, сопровождавший своего герцога в этой разведке, покаянно вздохнул. Де Райнор, ничего не говоря, спрыгнул с давшего им приют разлапистого дуба в заросли цветущей таволги. Гнома бы они скрыли с головой, но Джеральд де Райнор был человеком, чем и гордился. Впрочем, в данном случае высокий рост был скорее недостатком, пробираться к лесу пришлось, согнувшись в три погибели.

На опушке их ждали. Стрелки с лошадьми и высокий сидящий аббат, с беспокойством взглянувший на Золотого Герцога.

— Какова судьба обители?

— Там гномы, — бросил Джеральд, садясь в седло, — и много.

Аббат вздохнул, он был умным человеком и покинул монастырь быстро и без лишних слов, но бросать дом на разграбление одинаково тяжело и монаху, и крестьянину, и лорду. Де Райнор сжал коленями бока своего коня, тот послушно свернул на лесную тропинку, и тут Дэвид наконец расхохотался. Ехавший впереди Джеральд краем уха слышал, как вояка расписывает спутникам копошащихся в луже захватчиков. Вскоре ржали все, кроме аббата и Джеральда.

Воистину, непобедимые завоеватели, корячившиеся в грязи, это смешно... Очень... Только от того, что семеро гномов едва не утонули и, без сомнения, насквозь провоняли, тридцать тысяч их соплеменников не перестали быть убийцами, а убитые не воскресли.

Джеральд де Райнор сцепил зубы, дивясь охватившей его ярости на всех — захватчиков, ржущих стрелков, унылого аббата, трусившего Дангельта. Хорошо хоть тропа была узкой, а дорога до основного лагеря дальней, иначе б он кого-нибудь убил или, по меньшей мере, ударил...

Когда очередная вспышка проходила, Джеральд частенько сожалел о том, что натворил, порой даже извинялся, но попадаться под руку Золотому Герцогу, когда тот был вне себя, избегали даже его капитаны. Хуже всего было то, что де Райнор прекрасно сознавал, на каком он свете и что будет, если он даст себе волю. И все-таки давал.

Сквозь прогалы между ветвей показалось ржаное поле, по которому бродили стреноженные кони. Надо же, он и не заметил, как доехал до лагеря — злость крадет время не хуже любовных утех. Джеральд де Райнор усмехнулся: это сражение с собой он выиграл, хоть и с трудом.

Их ждали и здесь. У тропинки с серьезными рожами торчали Лэннион, командир

Айнсвикского ополчения барон Бин и капитаны с ястребом де Райноров на плащах. Исчезнувшее было раздражение подняло голову, напоследок рывкнуло и окончательно уснуло. Джеральд прыгнул наземь, бросив поводья одному из гвардейцев.

— Дева спрашивала о вас, милорд, — сообщил солдат, принимая коня.

— Хорошо, — Джеральд кивнул Лэнниону, — никаких неожиданностей, разве что нам посчастливилось наблюдать рождение гномокавалерии.

— Что? — подался вперед Лэннион.

— Ребенок родился мертвым, но с хвостом. — Де Райнор хлопнул графа по плечу и быстро зашагал к белой палатке, перед которой, скрестив копья, стояли двое гвардейцев.

12

Этот Джеральд был прирожденным вождем и полководцем. Как удачно, что судьба привела в Айнсвик именно его, хотя судьба тут ни при чем. Дункан, сын Малкольма, действует бесприигрышно: если Джеральд, хоть это и почиталось невозможным, победит, король сохранит центральную Олбарю, если Джеральд сломит шею, король избавится от человека, который не может не быть ему поперек горла, а если Джеральд и гномов остановит, и сам погибнет, Дангельт и вовсе одной стрелой убьет двух вальдшнепов. Эдмунд не видел нового хозяина своего королевства, но узнал о нем достаточно, чтоб понять: Олбарю надо спасать не только от захватчиков, но и от короля...

— Моя леди, — Джеральд де Райнор отвесил Дженни изящный поклон, — я видел все своими глазами. Гномы устраиваются в аббатстве, припасов им хватит на несколько дней, потом они двинутся дальше.

Дженни подняла глаза и улыбнулась. Бедняжка, она так и осталась деревенской девочкой, влюбившейся в знатного лорда. Мучить такую — подлость, но другого выхода нет. Золотой Герцог хорош, спору нет, но войну с гномами ему не выиграть. Пока не выиграть. Де Райнор готов умереть за родину, а нужно выиграть войну. И для начала сорвать печать непобедимости с шарта. Бесспорно, у этого порядка немало преимуществ, но он уязвим, по крайней мере в подгорном исполнении. У гномов нет ни кавалерии, ни сносного обоза, стрелки они и вовсе аховые, и, самое главное, они понятия не имеют о том, как вести себя наверху.

— Моя леди?

Дурочка все еще молчала, глядя сияющими глазами на стоящего перед ней рыцаря, и будь Эдмунд Доделлин трижды проклят, если де Райнору это не нравилось.

— Милорд, что делают гномы? — Прости, Дженни, сейчас не до любви. Сейчас мертвый король должен говорить с живым полководцем.

— Моя леди, — миг нежности прошел, в зеленых глазах снова была война, — гномы обустривают лагерь и при этом остаются начеку. Застать их врасплох невозможно. Похоже, они решили обзавестись кавалерией, но первый опыт был неудачным.

— Проклятье! — Именно что проклятье, ты опять забыл, что ты давно не король, что тебя вообще нет, а есть девочка, которая произносит твои слова. — Гномам мало копей Феррерса, они хотят получить все!

— Моя леди, вы так решили, потому что семеро недомерков взгроиздились на монастырских кляч? Но почему? — Не понимает, но пытается понять.

— Милорд, если б гномам был нужен только Феррерс, они бы не пытались обзавестись лошадьми, зачем? По дороге они бы развлеклись на всю оставшуюся жизнь, вышвырнули из копей людей и принялись бы ковать свое железо и гранить камни. Под землей лошади не нужны, а дорога не так уж и далека.

— Зато лошади нужны на поверхности, — пробормотал де Райнор, — и это значит, что они пришли навсегда.

Отчего-то красавцев часто почитают безмозглыми, ерунда! Красота сочетается с умом не хуже, чем уродство с глупостью, а вот завидуют красавцы меньше. Зависть — участь

уродцев, трусов, тех, кто хочет больше, чем ему отпущено, и не желает за это платить полную цену. Джеральд де Райнор не умеет завидовать так же, как Фрэнси...

— Именно. Те, кто радуется, что их земли в стороне от Феррерского тракта, радуются рано. Побережье гномам без надобности, они боятся морской воды, но центральную Олбарию они поработят. Если мы их не остановим.

— Значит, остановим.

Это не было бравадой. Так люди клянутся не другим, а себе, и хорошо, что де Райнор не добавил «или умрем». Умирать, особенно с чистой совестью, легко, легче, чем сделать то, что, кроме тебя, никому.

— Сэр Джеральд, почему ты не любишь свой титул?

Зачем ему это знать? Зачем ему вообще знать о живых?

Его дело спасти страну и уйти, а уходите легче от чужих. Джеральд де Райнор — меч в руке Эдмунда Доаделлина, а меч должен рубить, а не исповедоваться.

— Моя леди... — Герцог выглядел растерявшимся. Растерявшийся Джеральд — удивительное зрелище! — Моя леди, я не хочу носить краденое имя. Последний Элгелл погиб, защищая своего короля, часть его владений и титул отдала моему деду, но старик не любил вспоминать об Айнсвике.

— Айнсвик, — повторили губы Дженни, — Айнсвик...

Знамя над головой, придорожная пыль, словно желтым туманом окутавшая несущихся всадников, тяжесть секиры в еще существующих руках, топот копыт, оскал чужих шлемов, невозможное предательство и столь же невозможная верность, пережившая саму смерть. Фрэнси Элгелл отыскал сюзерена за гранью бытия, отыскал и остался с ним, хотя райские врата для него были открыты.

— Лорд Элгелл скончался, не оставив потомства, и он был бы рад такому наследнику.

— Наследнику? Потомку наемника! Дед рассказал о последней атаке Доаделлина.

Глаза Джеральда затуманились, он утонул в воспоминаниях. Что ж, это лучше, чем сочинять предсмертные письма или пить. Де Райнор любил деда, он любит и свой дом, и свою страну. Он будет хорошо сражаться, не хуже Фрэнси. Мудрости у Золотого Герцога еще маловато, а горячности много, но это пройдет.

— Мне было шестнадцать, — Джеральд все еще был в плену воспоминаний, — я собирался на свой первый турнир. Тогда по всей Олбарии гремела слава молодого короля, его считали первым бойцом. Я, как и положено знатному юнцу, мечтал снискать одобрение Его Величества. Дед уже был болен, очень болен... Я пришел к нему проститься, и тут старик велел мне сесть и рассказал о настоящем короле-воине. Об Эдмунде Доаделлине. Он говорил, как говорят перед смертью. Я почти увидел, как это было. Они вынеслись из-за холмов молча, только стучали копыта и развевались конские гривы и плащи. Эдмунд скакал впереди с поднятой секирой. Их было мало, невозможно мало, но они едва не победили. Дед сказал, что никогда не видел такого мужества, это были великие воины, таких теперь нет...

«Таких теперь нет»... Глупости, просто ты не знаешь себе цены, Джеральд де Райнор, но ее знают другие. Те, кто идет за тобой.

— «Таких теперь нет», — медленно произнесли губы Дженни. — Это слова умирающего старика, а не полководца! Придет время, и твои соратники повторят эти слова своим внукам.

— Моя леди, сэр Элгелл погиб за своего короля, а я... Не буду лгать, я не готов умирать за дело Дангельтов.

— Но ты готов умереть за Олбарию. Ты рожден герцогом Элгеллом, и ты должен жить и сражаться, как герцог Элгелл.

— Клянусь, моя леди.

Он исполнит клятву. Элгеллы всегда были верны чести и Олбарии, жаль, Фрэнси не знает, кому досталось его знамя и его земли, ему стало бы легче. Но ты снова забылся, Эдмунд Доаделлин. Не нужно будить прошлое, в нынешней Олбарии хватает своей боли.

— Моя леди, я должен идти к моим людям. Мы выступаем с рассветом.

— Идите, герцог, и храни вас Господь, — шепнула Дженни, настоящая Дженни. Если бы не война, эти двое никогда бы не встретились, а если б и встретились, Золотой Герцог и не взглянул бы в сторону худенькой девушки в застиранном платье. Если бы не война, Дженни не оказалась бы у могилы последнего из Доаделлинов. Если бы не война, он бы не вернулся на когда-то родную землю... Бедная Дженни, она не понимала, на что идет, но теперь отступать некуда. Единственное, что он может сделать для девушки, это оставить ее, как только будет можно.

— Благодарю мою леди, — Джеральд коротко поклонился и отошел.

Он шел через лагерь и улыбался, а у костров ржали стрелки, раз за разом переживая рассказ разведчиков, на глазах обраставший неприличными подробностями. Когда воины веселятся, это хорошо, вчера они готовились умирать. Жаль, монастырские клячи не способны уразуметь, что первую победу над гномами одержали именно они, утопив в вонючей грязи легенду о непобедимости подгорных воителей.

13

Идущие след в след в центре шарта першероны легко несли на могучих спинах башенки с арбалетчиками. Громадный жеребец и почти не уступавшая ему в размерах немолодая кобыла подремывали на шагу. Две кормящие мамы, бредущие чуть сзади, норовили дезертировать к жеребяткам, но вокруг плотной стеной шагали гномы с секирами, и кобылам пришлось смириться.

Маэлсехнайли гордился своей выдумкой, позволявшей на ходу расстреливать врага из осадных арбалетов, которые раньше приходилось тащить в разобранном виде. Переростки были слишком глупы, чтоб заметить очевидное, а ему достаточно было одного взгляда на захваченных першеронов, чтобы понять, что делать. Гросс лично наблюдал за тем, как спешно сооруженные стрельницы устанавливают на лошадиных спинах. Обошлось без сюрпризов — огромные звери стояли смирно, лишь изредка переступая могучими ногами.

Хорошая порода, не то что верховые, но приказ вождя или должен быть исполнен, или виновные понесут наказание! Воины, не сумевшие покорить животных, наказаны. Лишенные секир, они толкают тачки с инструментами и припасами, а оскорбившие гномов кони расстреляны из арбалетов, правда, не все. Длинногривые скакуны и напугавший мастеров гнедой сбежали до того, как отдохнувший Маэлсехнайли узнал о неудаче. Искать беглецов в окрестных холмах не имело смысла, к тому же не стоило напоминать воинам о постигшем Ронинга позоре.

В глубине души Маэлсехнайли был рад несчастью толстяка и гордился собственной предусмотрительностью, удержавшей его от попытки оседлать норовистое животное. Фрески, как и все людские изделия, страдали неточностью, и для управления лошадьми требуются особые приспособления. Такие, как у желтоволосого всадника. При воспоминании об оскорбителе Маэлсехнайли нахмурился. Публичная казнь людского вожака, посмевшегося бросить вызов повелителю гномов, пришлась бы кстати. Ничего, рано или поздно побежденные приведут к нему наглеца, чтобы спасти свои шкуры.

Сзади запела труба сигнальщика, возвещающая о приближении врага. Платформа скрипнула и остановилась, заскрипел под сапогами военачальников трап. Ронинга среди пришедших не было — увечный толстяк сопровождал жреца: Маэлсехнайли не мог позволить насмехаться над бригштандером, хотя тот и допустил ошибку. От насмешки над бригштандером один шаг до насмешек над гроссом, значит, честь бригштандера неприкосновенна.

— Мой вождь, — глаза Йель-бан-Тук-унд-цу-Плаха блестели, он рвался в бой, — сзади люди на лошадях. Они хотят напасть.

— Развернуть строй! — произнес Маэлсехнайли. Он любил эти мгновения, когда тысячи гномов, подчиняясь приказу, становились единым целым. Цверги делали это быстрее, но нельзя ожидать от вчерашних рудокопов, гранильщиков и подмастерий того, что

они сравниваются с великими воинами. Только Штак-бан-Хорден-унд-цу-Беер и Йель-бан-Тук-унд-цу-Плах ведут свой род от цвергов, и они признали гроссом того, кого раньше называли Маэлси! Пошли, потому что он, в отличие от негодного Якша, обещал победу и славу! Подгорные владыки виновны перед гномами, они затоптали мечты о величии, погнавшись за наживой. Если б Шест-ам-Потим не решил прибрать к рукам еще и Феррерские копи и не добился для уходящих права тренироваться в верхних пещерах, воины до сих пор держали бы секиры, как молотки, а так неплохо, весьма неплохо! Даже худший гном справится с лучшим из переростков!

Маэлсехнайли с каменным лицом любовался своими воинами, ему было чем гордиться — каждый гном знал свое место и каждый действовал четко и умело, а он, Маэлсехнайли Моосбахер, был мозгом могучего железного зверя, остановить которого не под силу никому, кроме подгорных богов.

Маэлсехнайли приказал поднять платформу, но это оказалось лишним. Забравшийся на невысокие холмы слева от дороги противник был виден и так. Около тысячи всадников с копьями сдерживали коней, дожидаясь приказа, и впереди них гарцевал желтоволосый! Маэлсехнайли поднял руку в железной перчатке.

— Не стрелять! Взять живым. Награда — железный крест.

— Повиновение, мой гросс!

— Они собираются атаковать вниз по склону, — Маэлсехнайли снисходительно улыбнулся, — тем лучше.

— О да, мой гросс, — Йель-бан-Тук-унд-цу-Плах тоже позволил себе улыбку, — они сами ухудшают свое положение.

— Идите к воинам, — веско произнес Маэлсехнайли, — и передайте им, что они сражаются за своего вождя и свое царство.

— Слава грассу! — Штак-бан-Хорден-унд-цу-Беер и Йель-бан-Тук-унд-цу-Плах вскинули руки, приветствуя повелителя, и с лязгом опустили забрала. Смешно, но переростки сделали то же самое. Всадники наклонили копья и, разгоняясь, помчались вниз по склону. Сердце Маэлсехнайли забилося от предвкушения, он уже видел подобное, когда неделю назад люди попытались атаковать шарт. Правда, тогда их было меньше, и вся слава досталась идущим в арьергарде, но сейчас будут довольны все. Со своей платформы Маэлсехнайли видел, как враги приближались, вырастая на глазах. Передние уже почти поравнялись с подножием холма, задние тонули в пылевом облаке.

Вновь протрубили сигнальщики, копьеобразные наверхи секир согласно качнулись, готовясь вонзиться в людские и лошадиные тела, и тут переростки струсили. Резко развернув лошадей, они помчались в разные стороны, обтекая несокрушимо стоящий шарт... Но не все! Около сотни негодяев во главе с желтоволосым продолжали гарцевать на виду, выкрикивая оскорбления. Это следовало прекратить, и гросс дал команду пращникам и арбалетчикам. Свистнули арбалетные болты, вверх взметнулась туча камней — увы, глаза стрелкам слепило взошедшее из-за холмов солнце, а камни падали, не долетев до цели несколько шагов. Маэлсехнайли скрипнул зубами — в недавнем бою с конным отрядом арбалетчики показали себя самым лучшим образом, но тогда переростки двигались слитным строем, крутящиеся же на холмах мерзавцы казались неуязвимыми. Гросс сдвинул брови и подозвал Пиноваца.

— Тот, кто сойдет лошадь, получит Железную Звезду, подстреливший всадника — Железную Звезду с Цепью.

— Воля грасса! — возгласил Пиновац и заторопился вниз.

Арбалеты забили чаще, но без толку. Стрелков нужно тренировать, нужно привесить на веревках набитые тряпьем мешки. Пусть стреляют по качающимся мешкам, гномы могут все, а арбалеты куда надежней эльфийских луков. Через три месяца гномы будут бить в цель не хуже зеленоглазых выроdkов. Нужно соорудить как можно больше передвижных стрельниц, и тогда переростки не уйдут. Будущий повелитель с ненавистью проводил взглядом удаляющихся всадников, к несчастью оказавшихся неуловимыми. Боя так и не

случилось. Через полчаса стало ясно, что трусы не вернутся.

Йель-бан-Тук-унд-цу-Плах поднялся к вождю, его лицо блестело от пота.

— Мой гросс, враг бежал. Следует ли нам продолжать движение?

— Да, — бросил Маэлсехнайли, досадуя на человеческую трусость: желтоволосый урод избежал наказания, а они потеряли не меньше часа. Солнце поднялось достаточно высоко, пора устраиваться на дневку, но выжженные безводные холмы для этого не годились. Более мерзкое место трудно даже вообразить!

14

Недомерки кончили топтаться на месте и поползли вперед. Ну и духота, словно в преисподней, но оно и к лучшему. На холмах хоть какой-то ветерок, а постой-ка внизу да еще в железной скорлупе!

Джеральд де Райнор повернулся к Лэнниону:

— Обходим.

Граф кивнул, говорить и то было жарко, не то что воевать, но музыкантам легче, чем танцорам, а танцуют сегодня гномы. И будут танцевать! Джеральд потрепал по шее коня и послал его вперед крупной рысью. Стрекотали кузнечики, над раскаленным Коднором висело выгоревшее небо, до ближайшей речки было далеко. Особенно пешим.

Джеральд сам не понял, что его заставило оглянуться, а оглянувшись, с трудом сдержал проклятие. Дженни! Дженни в мужском платье впереди одного из конных стрелков. Дьявольщина, он же велел ей сидеть в лагере! Де Райнор натянул поводья.

— Моя леди, вам не следует рисковать. — Убил бы, но не при солдатах же!

— Милорд, — серые глаза были холоднее льда. И это в такую жару! — Мое место среди воинов. Что гномы?

Когда она говорила таким тоном, пропадала всякая охота спорить. Дева знает, что делает, кто он, в конце концов, такой, чтоб приказывать той, кому ведома высшая воля? Джеральд де Райнор готов грызться хоть с гномами, хоть с Дангельтами, но не с ангелами!

— Моя леди, гномы продолжают движение. Но уйдут недалеко. Собственно говоря, — Джеральд вскинул руку, защищая глаза от солнца, — они уже пришли.

Это было весело. Ползущая по дороге колонна остановилась, словно наткнувшись на невидимую преграду, а на пологом на женскую грудь холме, в котором, по словам местных, жили феи, возникли всадники в алом. Дэвид не подкачал! Гномы торопливо перестраивались. Сверху было видно, как маленькие фигурки разворачиваются, складывают выюки, меняются местами, а между ними снуют, размахивая руками, начальники. Всадники на холмах, как могли, поддерживали суматоху — поднимали коней на дыбы, выстраивались в шеренгу, словно для атаки, вновь принимались гарцевать. Недомерки ждали нападения, а его не было.

С высоты боевой порядок гномов стал понятен. Первый ряд шарта встает на одно колено за большими щитами, упирая секиры в землю, следующие ряды обходятся без щитов и держат оружие наперевес двумя руками, а оружие, прошу заметить, в длину футов шесть! Между секирщиками маются арбалетки и пращники, бедняги — из пещер да на такое солнце. В упор да по сплошному строю они, конечно, молодцы, а вот в гарцующих всадников за сотню шагов — извините! Ну да вы стреляйте, родные, стреляйте... Куда эльф с луком, туда и гном с арбалетом!

Замершие были фигурки начинали шевелиться. Еще бы! Стоять по такой жаре с тяжеленными секирами! Тут будь хоть трижды гномом, все одно взвоешь.

Джеральд хмыкнул, когда несколько особо блестящих карликов вскарабкались на повозку главного гнома. Тот по-дурацки махнул лапкой, судя по всему, приказывая двигаться дальше. Муравьи деловито засновали, взваливая на себя выюки и впрягаясь в тачки, и тут Дэвид повел своих людей вниз.

Тяжеловооруженные всадники понеслись с холмов, целясь копьями в бок колонны, но

шарт не зря заслужил свою славу — всадники были на полпути от вершины к тракту, а гномы уже замерли, выставив вперед железные наверхия своих секир. Джеральд с силой сжал поводья. Только бы Дэвида не занесло! Если дурак не выдержит, он сам свернет ему голову... Только б жив остался!

Всадники мчались все быстрее, они свернули как раз тогда, когда арбалетчики нажали на спусковые устройства.

— Каждый четвертый, нет, пожалуй, каждый пятый не стрелял, — заметила Дженни, вглядываясь в стрелков. — Хотелось бы знать, сколько у них стрел.

— К вечеру узнаем, — заверил Джеральд.

— Пусть Дэвид отойдет. — Как странно иногда говорит эта тоненькая девочка, как странно и как мудро. — Посмотрим, станут ли они собирать стрелы и камни. Если станут, дайте сборщикам по рукам.

Гномы собирать стрелы не стали — то ли у них был большой запас, то ли они одурели от жары. Джеральд глянул в выцветшее небо: до ночи далеко, до воды и тени господам завоевателям еще дальше. Танцы будут продолжены...

15

— Мой гросс, — Йель-бан-Тук-унд-цу-Плах раскраснелся еще больше, чем обычно, — они не нападут. Они просто хотят, чтоб мы остановились.

— Это очевидно, — холодно бросил Маэлсехнайли. — Что ж, пойдем вперед, сохраняя боевой порядок. Погрузить выюки воинов первых рядов на тачки. Останавливаться и разворачиваться, лишь когда до переростков останется не больше шестидесяти футов.

— Повиновение, мой гросс. — На лице полководца проступило облегчение, он торопливо покинул платформу, и тут же запели трубы. Воины перестроились в боевой порядок медленней, чем обычно. Проклятая жара и усталость! И еще пыль... Ни одного камня под ногами. Пращники даром загубили дневной запас! Гномы выносливы, как скалы, но топтанье на месте не прошло даром даже для них.

Армия двинулась вперед, не обращая внимания на переростков, развернувших своих зверей. Люди медленно ехали вдоль тракта, не приближаясь к подгорной армии, но и из виду не исчезая. Нужно вплотную заняться лошадьми, на поверхности без этих тварей не обойтись! Холмы понемногу отступали от дороги, и переростки были вынуждены спуститься. Они обнаглели настолько, что заступили тракт, нагло выставив копыта. Смешно, людское железо не пробьет хороший доспех даже с разгона.

Когда до всадников оставалось две сотни шагов, их кони начали медленно пятиться назад, оставаясь на безопасном расстоянии. Арбалетчики выстрелили несколько раз, но ублюдки были слишком далеко, они не собирались принимать бой, рассчитывая на ноги своих зверей, а ветер дул им в спину, отбрасывая находящиеся на излете стрелы. Маэлсехнайли взглянул на Йель-бан-Тук-унд-цу-Плаха и Штак-бан-Хорден-унд-цу-Беера, понимая, какого приказа те ждут. Конные башни сметут мерзавцев, но стоит ли раскрывать секрет? Не лучше ли довести число стрельниц хотя бы до двух десятков и ввести их в дело против значительной армии, а не паршивого отряда. С другой стороны, новое оружие требует испытаний, если при постройке башен случились недочеты, их следует выявить и учесть.

Конец сомнениям положили переростки. Во-первых, среди них появился желтоволосый, во-вторых люди, не забывая пятиться, принялись выкрикивать оскорбления. Грубые человеческие глотки до безобразия искажали гномью речь, но слова были понятны. Желтоволосый ублюдок! Он ничего не знает ни о настоящей войне, ни о боевой чести! Маэлсехнайли с ненавистью глянул на всадника в алом плаще.

Этому следовало положить предел. Гросса оскорблять не дозволено никому! Никому! И тем более эльфовидным уродам! Что ж, переростки сами решили свою судьбу. Маэлсехнайли приказал, и шарт расступился, пропуская вороных гигантов, увенчанных

боевыми башнями. Понукаемые криками першероны пошли рысью, арбалетчики взяли за натяжные рычаги.

16

Воистину в мире нет ничего нового. Если зверь слишком велик, чтоб его оседлать, на него привязывают гнездо. Джеральд в детстве наглядился миниатюр, изображающих голых длинноносых тварей, на спинах которых крепились башни с чернолицыми воинами. Гномы пошли по пути хиндасских маграджей, разве что с поправкой на собственный рост. Сама по себе идея была хороша, но вот воплощение...

Огромный жеребец, насмерть перепуганный свистом стрел со своей же собственной спины, возмущенный ерзаньем недомерков и тяжестью трущего холку гнезда, взвился на дыбы, парочка ремней разлетелась в клочья, башня сползла набок. Врезав по ней задней ножищей, конь вытряхнул наземь гномов вместе с их арбалетами и грузным наметом поскакал в холмы. Все три кобылы последовали за своим господином и супругом. Не обошлось без жертв: несколько недомерков нашли смерть под огромными копытами.

Джеральд проводил глазами першеронов, явно спешащих в родимое аббатство, и весело расхохотался. Воистину гномам с лошадьми не везет!

— Милорд, — молодой воин в алом казался растерянным, — милорд, вас ищет милорд Лэннион... Королевский посланник!

Вот так всегда, стоит делам пойти хорошо, и тут же случится какая-нибудь гадость.

— Найдите Дэвида. — Джеральд еще раз внимательно из-под руки оглядел шарт. Что творилось за строем блестящих на солнце щитов, было непонятно, но рыцарь надеялся, что недомеркам жарко и обидно. Де Райнор на их месте ужасно обиделся бы на предводителя и к нечистой матери скинул бы его с телеги, но гномы для этого слишком тупы. Ничего, авось поумнеют!

— Милорд! — Веснушчатый вояка был доволен жизнью и гномами. — Сейчас опять поползут.

— Ну и вы ползите, — пожал плечами Джеральд. — Главное, чтоб они уверились, будто мы просто так погулять вышли и нас не больше тысячи. До водопоя далеко?

— Им — да, нам часа полтора.

— Проследите, чтобы все лошади были напоены. Проклятье, Дэвид, прибыл какой-то осел из Лоумпиана...

— Тьфу, — Дэвид позволил себе сплюнуть. Он любил тех, кого любил его лорд, и был достаточно умен, чтоб понять — их погнали на убой. Убоя не получилось, но Дангельт в этом не виноват.

— Именно что «тьфу», — согласился Джеральд, — но лошадей надо поить, а гномов дразнить.

Золотой Герцог дал шпоры коню, застоявшийся Уайтсоррей рванул с места белой молнией. Ветер в лицо смягчал жару, и это было замечательно. Замечательно было бы все, если бы не посланец. Вот уж не было печали...

Лэннион отыскался среди холмов. Рядом стояла Джейн и кто-то в цветах Дангельтов. Нор? Монрот? А, кто бы ни был...

— Мой лорд! — Лэннион и Джеральд друзья, но в Лоумпиане об этом знать не обязательно. — Что-то случилось?

— Да, лорд де Райнор. — Насчет Дангельтов граф придерживался того же мнения, что и герцог. — Его Величество предписывает вам вытеснить гномов из Айнсвика, а мне прикрыть Лоумпианский тракт.

— Замечательная мысль, — не удержался Джеральд, — была. Восемь дней назад. Видимо, Его Величество не принял в расчет возможности лошадей, людей и почтовых голубей.

— Милорд, — Вильям Монрот думал о гневе короля, а не о войне, — мне ли вам

говорить, что воля Его Величества превыше всего.

— Превыше всего Олбария. — Ровный женский голос заставил Монрота вздрогнуть и повернуться к Дженни. — Король лишь ее первый слуга.

— Кто это? — У посланца был вид человека, которого среди жаркого дня взяли за ноги и окунули в бочку с ледяной водой. — Откуда здесь эта девка?! Милорд де Райнор, вы перешли всякие границы, позволяя вашей шлю...

Незаконченное слово отправилось назад — в породившую его пасть. Джеральд де Райнор давно не получал такого удовольствия, пожалуй, с того самого дня, когда выбил из седла герцога Троаннского, хотя это и было строжайше запрещено его гостеприимным величеством, затеявшим турнир.

— Во время войны я не дерусь с соотечественниками, — захватившее Джеральда бешенство было сродни наслаждению, — но для вас, милорд, готов сделать исключение.

Монрота хватило лишь на то, чтоб вытащить надушенный платок и прижать к разбитому носу. Зря он не ударил в челюсть, нос заживет, а вторые зубы не вырастут. Джеральд с веселым любопытством оглядел присутствующих. Дженни была спокойна, как статуя, бедняга Лэннион не знал куда деваться, а элгеллские стрелки, не сговариваясь, придвинулись к свите Монрота. Что ж, рано или поздно это должно было случиться.

— Милорд Монрот, — Джеральд отодвинул рукой Лэнниона, — если вы желаете драться, я к вашим услугам, нет — убирайтесь в Лоумпиан и передайте Дункану Дангельту, что...

— ... что герцог Элгелл и граф Лэннион исполняют свой долг перед Олбарией и ее народом, — девичий голос был ровен и непререкаем, так говорят даже не королевы, так говорят владычицы. — Дангельту следует вспомнить, что венец из боярышника дает одно право — первым умереть за свою родину.

— Я... — заметался Монрот. — Прошу миледи меня простить, но... но Его Величество...

— Король, бросивший свой народ в трудную минуту, перестает быть королем, — отчеканила Дженни. — Мы остановим гномов там и тогда, когда сочтем нужным. Пусть Дангельт озаботится ледгундцами и куиллендцами.

— Именно, — добавил Джеральд, подзывая одного из своих капитанов. — Томас, возьмите сотню стрелков, пусть проводят милорда Монрота до Лоумпианского тракта. Во избежание нападений гномов и улиток.

— Милорд де Райнор...

— Убирайтесь, — почти с нежностью произнес Джеральд, — или... Или присоединяйтесь к нам. Мы собираемся атаковать шарт. Дать вам копье?

Мчавшиеся за копьеносцами лучники вылетели к тракту, на скаку осыпая шарт стрелами. Глупцы, разве это повредит подгорным доспехам?! Несколько гномов, стоявших в задних рядах, схватились за лица, другие спешно опустили забрала, став неуязвимыми для жалких укусов. Платформа Маэлсехнайли была достаточно далеко от вражеских стрелков, но на всякий случай вождь подал сигнал ее опустить, мало ли...

Обстрел кончился так же внезапно, как и начался. Люди исчезли в холмах, оставив позади пыльную тучу.

Недомеркам, из-за жары не опустившим забрала, пришлось весело. Ничего, теперь будут опускать! Идохнуть.

Девятый раз! Девятый раз переростки бросались в бой и отворачивали, выпуская в ждущих их воинов тучу стрел. Вреда это не причиняло, но было унижительно. Застрять среди голых холмов из-за подлых трусов!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОСЕНЬ. ПОБЕДА

— Дьявол раздери этого де Райнора!

Ноздри Дункана гневно раздувались, но других последствий гнев короля не имел и иметь не мог. По крайней мере для лорда Элгелла, находившегося вне монаршей досягаемости. В отличие от Майкла Бэнки, искренне оному Элгеллу завидовавшего. Дангельт в последний момент оставил родича при себе, отправив на побережье Лесли Эсташа. Бэнки постарался обрадоваться, хотя положение было хуже не придумаешь.

Разум подсказывал распрощаться с обреченным королем, но тот был слишком хитер, чтоб отпускать на войну людей разумных, предпочитая бросать в огонь сумасшедших или тех, для кого важнее собственных шкур были семьи, оставшиеся на королевском «попечении». Бэнки не мог не считать такую политику разумной, хотя и сожалел о ней, когда речь заходила о его, Бэнки, персоне. Тем не менее положение Дангельта было лучше, чем в начале лета.

Куиллендцы захватили север до самого Гоньерса, но дальше не двигались, опасаясь гномов. На побережье все висело на волоске. Лесли Эсташ считался хорошим полководцем и мог остановить ледгундцев и каррийцев, хотя у тех и был численный перевес, а мог и не остановить. Эсташ занимал выгодную позицию на Теборшинских холмах и готовился к битве с Троанном, а Черный Волк поспешает медленно. Даже разбей он Лесли, на Лоумпиан осенью не пойдет, а закрепится в Теборшине и зазимует.

Все шло к тому, что Дункан просидит на троне самое малое до весны, тем более что де Райнор умудрился остановить гномов. Отправленный на убой Золотой Герцог не только не погиб, но переломил ход кампании, что весьма беспокоило Дункана, и Бэнки родича опять-таки понимал.

Джеральд с юности был любимчиком армии и черни, теперь же он стремительно превращался в героя. В лоумпианских кабаках пили за здоровье Золотого Герцога и сетовали, что де Райнор не может драться одновременно в трех местах. И еще эта Дева...

Майкл, как и Дункан, ни секунды не сомневался, что Джеральд подобрал деревенскую девку, научил, что говорить, и таскает за собой. Его Величество приказывает одно, а Джеральд делает другое: дескать, ангелы приказали! Непорочная дева, слышащая голоса, ведет богоугодное воинство против мерзких подземных созданий! Гениально! Дангельт лопаётся со злости, но молчит, вынужден молчать — против высшей воли не попрешь, тем более что де Райнор побеждает.

Но как они не разгадали в Джеральде хитреца? Златокудрый красавчик казался дерзким, вспыльчивым, до безумия смелым, но предусмотрительность с ним и рядом не ночевала. Выходит, все ошибались, а Джеральд ждал своего часа. Ждал и дождался. Гномов он доконает, в этом можно не сомневаться, а дальше? Деве явится очередной ангел и назовет Джеральда де Райнора королем Олбарийским?

Это было бы неплохо, будь Элгелл женат на дочери Майкла и будь сам Майкл далеко от Дункана. Увы, лорд Бэнки привязан к королю, нужно соблюдать осторожность, осторожность и еще раз осторожность.

Майкл преданно взглянул на сюзерена.

— Я не верю в сказки про Деву! — рявкнул тот.

— Но чернь верит, Ваше Величество.

— Да, чернь верит! — Дангельт топнул ножищей в щегольском белом сапоге. В юности белое ему шло, но юность Дункана давно миновала. — Нам не нужен Джеральд — победитель гномов, Джеральд — Отважное Сердце, Джеральд — Благословенный! — Король свернул в штопор каминные щипцы, отбросил изуродованную вещицу и исподлобья глянул на лорда. Силы у него все еще хватало, хотя, если так пойдет дальше, Его Величество через пару лет хватит удар. Жаль, не сейчас.

Бэнки уставился на сюзерена со всей возможной преданностью и многозначительностью. Сейчас жизнь Майкла Бэнки в руках Дункана Дангельта, но кто знает, что будет через год?

— Но, Ваше Величество, вам нужна победа.
— Да, — угрюмо буркнул король, — победа мне нужна.
— Джеральд де Райнор обещает покончить с гномами к осени. За зиму может случиться всякое, пути Господни неисповедимы.

— Хорошо, — сведенные брови Дангельта разошлись, на мясистом лице проступило почти мечтательное выражение, — пусть наш верный вассал разобьет мерзких недомерков, мы не оставим его нашей благодарностью.

Надо полагать, благодарностью станет роскошная могильная плита. Впрочем, это дело Дангельта, граф Бэнки не желает иметь с этим ничего общего.

2

Серая кобылка вдохновенно сосала мать. Негодяйка стояла посреди разоренного огорода, предоставив себя в полное распоряжение возлюбленного чада. Морда у кобылы была сосредоточенно-счастливой, а рядом застыла восторженно-умиленная Дженни. Прелестная картинка, жаль, он не художник. Джеральд де Райнор невольно улыбнулся, хотя в последнее время ему чаще хотелось кусаться. Он устал, и устал безнадежно. Устал от жары, дурацких приказов и писем из Лоумпиана, крестьянских жалоб, непрерывной беготни по холмам, шутовства, заменившего честную битву, и злости на себя, на то, что он думает о том, о чем думать нельзя, и вечно упускает из виду что-то важное.

Наевшийся жеребенок игриво топнул толстенькой ножкой, мамаша укоризненно фыркнула и потянулась к еще не обгрызенному кусту. Кобылка дернулась было следом, но передумала и подбежала к Дженни.

— В Элгелле у меня тоже был пони, — тихо сказал Джеральд, — вороной жеребчик с белой звездочкой на лбу, его звали Блэкси. Мне было пять, ему восемь. Злюка был еще тот, после него мне ни один фаластымский скакун не страшен.

Дженни, не поднимая глаз, гладила жеребенка. Ты дурак, Джеральд, причем безнадежный. Заговорить о доме, когда дом Джейн сожгли гномы...

— Мой лорд, — она по-прежнему не поднимала глаз, — вы совсем не спите, почему?

Почему? Да просто не спится...

— Слишком жарко, моя леди.

— Жарко, — она медленно подняла голову, — но жара вряд ли помеха тому, кто вернулся из фаластымских пустынь. Ты устал от игры с гномами?

Он так и не привык к тому, что Дженни становится Девой, но с Девой, как ни странно, было проще.

— Я понимаю, что обычный доспех против гномьего то же... — Джеральд задумался, подыскивая сравнение. — То же, что пони против першерона, но как же хочется прекратить беготню и скрестить наконец мечи!

— Гномы не носят мечей, — тихо сказала Дженни, — но когда-то носили... После Весенней войны в обмен на разрешение вернуться в Петрию они поклялись не ковать себе мечей и не носить их... Это была ошибка эльфов.

— Ошибка? — Де Райнор слушал и любовался тонким профилем Девы, а та словно грезила наяву, задумчиво перебирая гриву жеребенка.

— Ошибка, лорд Элгелл. У эльфов слово «клинок» означает холодное оружие. Любое. Дети Звезд знают копыя, луки и «клинки», но люди перевели эльфийское «эскадза» словом «меч». Гномы отродясь не были лучниками и всегда были хитрецами, как и положено помешанным на золоте. Король Алмирэль заставил гномьих вождей поклясться Сердцем Камня отказаться от «клинков» и копий и не вредить стране Доаделлинов. Цверги поклялись и сдержали клятву. На свой лад. Так вместо копий и мечей появилось то, с чем они пришли.

То, с чем пришли гномы... Нечто на длинном древке, сочетающее в себе секиру, молот и острия-наконечники на обоих концах древка. Хочешь — руби, хочешь — бей, хочешь — коли, но клятва исполнена, никто в здравом уме и твердой памяти не назовет это чудище ни

копьем, ни мечом.

— Значит, дело в том, что эльфы не знали языка Гор?

— Переговоры шли на языке людей. — Дженни отошла от дочки Негодяйки и опустилась на высохшую грядку, обхватив колени, эта поза что-то напоминала, но что? — Алмирэль понял, что подгорным владыкам не стоит верить, когда их отпустили, а они принялись убивать друг друга, но обвинили во всем эльфов и ожившие деревья. Подлая выдумка, но в Петрии поверили, для подгорного карлика с топором и впрямь нет ничего страшней разгневавшегося бревна.

— Так вот почему они не сунулись в Намбирский лес... Я не понимал, почему их отпугнул десяток коряг, которые мы выволокли на дорогу.

— Они попали в сети собственного вранья, — покачала головой Дженни, нет, Дева, — и это вранье их душит, вранье всегда душит, и всех...

— Мы никак не уйдем от прошлого, — Джеральд задумчиво тронул эфес. — Весенняя война, Грэмтирская битва... Все идет оттуда.

— Все мы идем из прошлого. — Серебристый взгляд скользил все дальше и дальше. В такие мгновенья Джеральд терялся. Он был готов, преклонив колена, выслушивать волю Девы, вернее, не Девы, а тех, чьи голоса она слышит. Он был бы счастлив подхватить на руки и закружить тоненькую светловолосую Дженни, но вечерняя тоска и грусть, порой захлестывавшие леди Джейн, сводили его с ума.

Пару раз Джеральд задавался вопросом, уж не эльфийка ли она, но в Элгелле уцелело слишком много гобеленов и миниатюр, чтобы спутать деревенскую девочку с дочерью Звезд. Просто Дженни избрана и слышит неведомое другим, такое бывает. Аббат не видит в этом ничего удивительного: раз в столетие, если не чаще, ангелы говорят с людьми, избирая посредниками невинных дев и детей или благочестивых монахов.

В последнее Джеральд верил меньше, вернее сказать, не верил вообще. Видение преподобного Хэмфри Ангуса, в котором святой Дункан объявлял Малкольма Дангельта королем Олбарийским, было чистейшей воды надувательством, на котором святоша изрядно нажился. А вот в том, что, осматривая подаренный дворец, новоявленный епископ споткнулся, слетел с лестницы и сломал себе спину, и впрямь чувствовался божий промысел.

— Лорд де Райнор, — голос Девы вернул рыцаря в раскаленный предосенний день, — подожди еще немного, и ты сможешь поговорить с гномами.

3

Две сотни больных, четыре сотни раненых, сотня мертвых! И это не в первый раз, проклятье! Маэлсехнайли был готов убить Пиноваца с его новостями. Если так пойдет и дальше, армия растает, как соль в котле с водой.

Гном может располовинить человека в броне вместе с его конем, но что с того, если они носятся вокруг на своих проклятых тварях, не давая ни минуты отдыха, и еще эта жара! Гномам легче идти ночью, а отдыхать днем, но переростки днем отдыхать не дают! Не спать — это даже хуже, чем не есть. Они топчутся в этих лысых холмах третий месяц, ни воды, ни еды, ни добычи! Дошло до того, что приходится собирать какие-то гнусные колосья, а идти быстрее невозможно — когда перестаешь обращать внимание на преследователей, они нападают. Подло, трусливо, из засады! Нападают и сразу же откатываются, а спешно выстроенный боевой строй остается на раскаленной дороге.

Стрелы давно кончились, глупцы арбалетчики и не думали их беречь, новые достать негде. Теперь люди на своих тварях подсакивают к самому шарту и засыпают его стрелами. Сначала это казалось смешным — разве может стрела пробить хороший шлем?! Она и не может, но воины внешних рядов больше не могут поднимать забрала даже на привалах, а солнце превращает шлемы в орудие пытки!

Гросс с отвращением глотнул мутной воды, о пиве даже думать не приходится! Третий месяц крутиться в Коднорских холмах, и все из-за Пиноваца и бригштандеров! Сначала они

клялись покончить с переростками, потом разбили лбы, доказывая, что нужно идти прямо в Феррерс, хотя до Торнэлла было много ближе, и что?! В Намбирском лесу их подстерегали бродячие деревья! Мерзкие, древние твари, кто мог подумать, что они живы до сих пор?! Кто мог подумать, что этому дубью плевать, что нет ни ожививших их эльфов, ни ублюдков Доаделлинов! Стоило передовым отрядам войти в чащу, как вокруг поднялся треск, именно такой, как рассказывал чудом спасшийся Фреймут, а потом на дорогу медленно выползли суковатые чудовища! Счастье, что живые деревья глупы и медлительны, иначе...

Маэлсехнайли передернуло от ужаса при воспоминании о медленно поднимавшихся облепленных омелой руках, надсадном скрипе, жарких, огненных глазках. Если б эльфийские прислужники догадались дожидаться, когда шарт углубится в их лес, и перекрыть пути к отступлению, не спасся бы никто, но они успели вырваться. После этого Пиновац вспомнил об обходной дороге, и они пошли вдоль опушки проклятого леса, откуда раздавались жуткие звуки. Никто не хотел разбивать лагерь рядом с Намбиром, пришлось отступить за ближайшую гряду, а там караулил желтоволосый со своими ублюдками. Трусые не решаются нападать открыто, но их наскоки изматывают. Гросс нахмурился, вспоминая проглоченные оскорбления, он за них еще отомстит, но сначала нужно вырваться из Коднора.

Дорога, о которой болтал Пиновац, привела к быстрой реке с крутыми, обрывистыми берегами. Переправы не было, то есть она была, но ее разрушили, и в округе не нашлось ни единой доски или веревки.

Проклятые всадники, разумеется, оказались тут как тут — вертелись на расстоянии нескольких шагов и советовали переплыть реку или сходить в Намбирский лес за бревнами и наделать лодок, а когда на их выкрики перестали обращать внимание, налетели и сбросили с обрыва чуть ли не полштанда. Воины были в доспехах, не выплыл никто. Разумеется, гросс покарал виновных. Пиновац потерял Железную Цепь с Молотом, а штандер пострадавшего полка был четвертован. После этого Маэлсехнайли приказал поворачивать, и на этот раз ему не перечили.

Иногда, чтобы победить, следует отступить и начать сначала. Они возвращаются к Айнсвику и сворачивают на Торнэлл. Оттуда до гряды всего два перехода, там — тень, там — вода, там — добыча, потому что жители Ортели и Гамнета никуда не побегут. Если б только сбросить с плеч желтоволосого и его ублюдков, но как?

Маэлсехнайли нахмурился, дурная привычка, но думать помогает. Пиновац сегодня четвертовал восьмерых: негодяи хотели вернуться в Петрию, но врата перед теми, кто по доброй воле покинул родную гору, раскрываются лишь в двух случаях: перед посольством победителей, приехавшим за невестами, и перед потерявшими вождя. Потерявшие вождя воины вправе вернуться домой. Да, там их ждет самая тяжелая работа и насмешки, но слабаки и трусы могут предпочесть тачку проклятой жары и подлым переросткам.

Когда он построит свое царство, царство, которое простоит тысячу, нет, три тысячи лет, он истребит слабаков и неженков. Гном не должен знать страха, гном не должен знать сомнений. За него думает и решает повелитель, а воин идет за ним и получает награды за подвиги и верность. Да, именно так! Чтоб построить великую державу, надо уничтожить тех, кто ее недостойн.

Маэлсехнайли вздернул голову, представляя, как маршируют его еще не существующие колонны. Они не будут походить на бывших рудокопов и плавильщиков, они будут рождены только для войны и повиновения вождю.

— Мой гросс, — физиономия Ронинга выглядела озабоченной, — мастера докладывают — надежды пробиться к мощному водоносному слою нет. Найденной воды хватит только больным и раненым...

Вот и решение. Больным и раненым? Как бы не так!

Сегодня ночью они покинут лагерь и освободятся от всего, что мешает движению. Среди зажженных костров останутся те, кто не может идти, — слабым незачем жить, а армия будет спасена. Переростки ночью спят и плохо видят, они спохватятся только утром, а шарт

к этому времени будет на полпути к Айнсвику. Когда у воинов будет вдоволь воды и еды, они не станут вспоминать о неудачах и пойдут за своим вождем создавать великое царство! Война будет выиграна, иначе просто не может быть!

4

Гномы оставили лагерь. Джеральд наподдал ногой какую-то железяку, железяка зазвенела. Гномы оставили лагерь с мертвыми и ранеными. Кого они обманывали, разводя костры, людей или своих же, чтоб не орали, не пытались догнать?! Господи, какие ублюдки!

— Ну, на этот раз мы до них доберемся! — На лице Одри Лэнниона застыла смесь гадливости и ненависти.

— Доберемся, доберемся, — пробормотал Джеральд, разглядывая опустевший лагерь и пытаясь поймать ускользающую мысль.

— Так по коням? — осведомился сразу повеселевший Лэннион.

— Пожалуй. — Джеральд ухватился за луку седла, но так и застыл. — Дьявольщина, как я сразу не понял! Дэвид!!!

Веснушчатый Дэвид был тут как тут. По справедливости, ему пора становиться капитаном, и он им станет.

— Дэвид, прихвати-ка эту дохлятину.

— Милорд? — Рыжие брови Дэвида метнулись к не менее рыжим волосам. — Как это?!

— Так! Пусть недомерки насаживают на крючья своих, а не наших!

Дэвид на мгновенье онемел, зато потом голос к нему вернулся, он даже мог бы говорить малость потише:

— Точно! Как я сам не допер?! Эй, ребята...

Дальше Джеральд не слушал и тем более не смотрел. Это было противно, но чужие мертвые спасут живых. С плясками пора кончать. Коднорские холмы не бесконечны, за обмелевшим Сейтом начинается Айлесс, там на каждом шагу деревни. Пускать туда недомерков нельзя. Ни туда, ни в Торнэлл.

— Милорд, я вас искала!

Дженни... А ведь она уже неплохо управляетсся с конем. Он оказался неплохим учителем. Впрочем, Дева научила его неизмеримо большему, чем держать поводья.

— Моя леди, вы ведь не намерены участвовать в битве?

— Нет, — она покачала головой, — не с моими руками братья за меч. Этот бой ваш, Джеральд Элгелл. И следующий тоже. Гномы не должны вырваться из Коднора.

— Они не вырвутся.

Он так и не привык к этим переменам. Дева, перед которой так и тянет преклонить колено, и Дженни... Дженни хочется носить на руках, но она вновь превращается в повелительницу — мудрую, справедливую и... грустную. Она прячет свою тоску подо льдом, но тоска всегда пробьет дорогу.

— Милорд, — рука в детской перчатке коснулась плеча Джеральда, — вы не должны рисковать больше, чем нужно. Ваша смерть и даже ваша рана погубят все.

— Я вернусь, — пообещал Джеральд. Ему очень хотелось сказать, что... Нет, не время. — Пусть моя леди не беспокоится, я не потеряю голову.

Она не ответила, не успела — подскакал Дэвид. У него все было готово. Тронулись, поехали, Дженни осталась сзади, но он не оглянулся: оборачиваться — дурная примета.

Осень заявляла о себе в полный голос, но жара все еще держалась, словно сама земля хотела выжечь вылезшую из ее недр скверну. Джеральд вел отряд вдоль пересохшего ручья, который гномы использовали как дорогу.

— Мой лорд, — голос Дэвида звучал глухо и низко, как у собаки, готовой вцепиться в горло врагу, вот они.

— Лэннион?

— Идет по тому берегу.

— Хорошо...

Нет, не будет вам дороги ни в Айнсвик, ни в Торнэлл, ни назад в Петрию. Слишком много вы натворили на этих землях, чтоб позволить себе такую роскошь. Вы должны понять раз и навсегда — Олбария неприкосновенна!

Джеральд протянул руку к забралу, напоследок еще раз оглядев равнину будущего сражения. Гномы упорно шагали по низине, но их хваленые шлемы блестели не так ярко, как весной.

— Где трупы?

— Здесь. Сотен пять!

— Очень хорошо. Их вперед, за ними — стрелки, мы — за стрелками.

Джеральд опустил забрало и махнул рукой. Земля вздрогнула от ударов тысяч копыт. Джеральд с силой сжал повод, сдерживая желание вырваться вперед. Конница промчалась некошеным лугом, вылетела к спешно разворачивающимся гномам, и на острия секир полетели трупы. Раздался дикий крик, еще один. Дэвид не удосужился отделить раненых от мертвых, он был прав... Наверное...

Железные острия вонзались в груди, животы, бедра летящих тел, застревали в них, древки сгибались под тяжестью, гномы не успевали высвободить оружие, а на них обрушивался град ударов и летели горящие стрелы. Гномий строй дрогнул и изогнулся, словно подрубленный забор, кто-то упал, кто-то отступил, кто-то остался на месте... Любоваться было некогда. Джеральд орудовал подгорной секирой, как дровосек, но ему и в голову не приходило благословлять неизвестного оружейника.

Сбоку донесся волчий вой. Лэннион! Вовремя, молодец! Недомерки наладились отступать и огрызаться, но теперь им не развернуться.

Рядом закричала раненая лошадь, всаднику удалось высвободить ноги и схватиться за острие нацелившейся на него секиры, или как там называется это чудовище? То, что несло смерть, спасло: латник приземлился на обе ноги и принялся рубить древки. Выживет? Его счастье! Джеральд бросил Уайтсоррея вперед, конь зло заржал и ловко врезал зимними подковами по рогатому шлему. Спасибо, Дженни, ты догадалась перековать коней...

Строй смешался окончательно, в дикой давке древковые чудища пешим бесполезны, а мечей недомерки не знают. Зато клинки конницы свое дело делали, эх, будь у них больше подгорных мечей, ну да сколько есть!.. Людской пехоте уже пришел бы конец, но гномы это гномы... Джеральд поклялся вернуться и вывести из боя своих, это не последняя битва и не последние враги, пусть считают, что оторвались, пусть рвутся к Торнэллу, барон Бин и аббат ждут дорогих гостей!

Золотой Герцог в последний раз обрушил гномью секиру на гномий же шлем и заставил Уайтсоррея податься назад. Ему повезло: за спиной никого не оказалось. Джеральд выхватил рог, трубя отступление.

5

Ну почему, почему, почему он не может сражаться сам?! Джеральд — прекрасный воин, но сейчас все яйца в одной корзинке, шальной удар и...

Прекрати, Эдон, все еще живы. Не может эта страна быть настолько невезучей, и, в конце концов, Дженни молится за своего герцога. Де Райнор вернется, его дорога только начинается, он сам пока не знает, этот герцог, что его ждет, но сначала — победа.

Проклятье, как же тяжело ждать, раньше он не ждал, он был впереди, это проще. Проще умирать самому, а не стоять на месте, когда умирают другие. Почему он отпустил Элгелла? Надо было его задержать, Дэвид и Лэннион справились бы, случись что, их есть кому заменить. А вот потому и отпустил. Король должен быть первым в бою, по крайней мере, пока он молод. Это Дангельты отсиживались за копьями наемников, но Олбария — лошадь благородных кровей, труса она рано или поздно сбросит.

— Моя леди, они возвращаются.

— Я вижу.

Джеральд вылетел из моря слепящего света, словно сказочный воитель. Он был жив и здоров, и Уайтсоррей тоже. Если б при Айнсвике карриец не подсек, ноги Корионну, все могло бы быть иначе... Хватит, Эдмунд! Та битва в прошлом, теперь идет другая война, и ее проиграть ты не смеешь!

— Моя леди, мы устроили им веселую дневку.

— Наши потери?

— Не больше сотни. Мы сразу же отошли. Если не их доспехи, с ними было бы уже кончено.

— С ними и так будет кончено, и очень скоро...

— Моя леди?

— Король, бросивший раненых и мертвых, — трус и предатель, а у труса и предателя в свите могут быть лишь трусы и предатели. Не знаю, сколько стычек понадобится, одна или две, но они или прикончат своего вожака, или он прикончит своих подручных. И это будет только начало. Гномы перестают быть армией, Джеральд де Райнор...

Если и есть истина, Эдмунд Доаделлин, то она в том, что король-мерзавец может побеждать, но, упав, он не поднимется. Не позволят собранные им мерзавцы. Это справедливо, но тонущий Дангельт не должен утянуть с собой Олбарю. Ты позволил этой мрази напялить корону, Эдон, теперь изволь ее сорвать и надеть на достойного.

— Моя леди... Моя леди устала?

— Да, Джеральд... Ждать тяжелее, чем сражаться самому, когда-нибудь ты это поймешь.

— Моя леди... Моя леди ждала всех или...

И всех и «или», а вот Дженни ждала одного. Своего рыцаря. Славное сердечко... Джеральду повезло, хотя откуда ему об этом знать? Для живых чужие души — потемки. Тебе не повезло, Эдон, ты так и не узнал всей силы женской любви, теперь уже поздно. Хотя, может быть, это и к лучшему. Что бы стало с твоей возлюбленной после Айнсвика?..

6

Вот цена жадности Якша и его предшественников! Поражение, поражение, нанесенное гномам их же оружием! Мечи и шлемы желтоволосого и его стаи ковались в Петрии!

— Мой гросс, — в глазах Пиноваца пряталось что-то гадкое, — мой гросс, возвращение в Айнсвик было ошибкой, следовало...

— Замолчи, бригштандер, или ты спустишься отсюда штандером!

— Повиновение гроссу, — Пиновац поднял руку и убрался.

А ведь он рад поражению, рад, теперь он будет бубнить об этом всем и каждому, чтобы позабыли его собственный позор с рекой. Надо его сместить и назначить Сگونه Минтуса, этот верен, молод и еще не обзавелся подпевалами. Решено, Пиновац отправится в обоз!

— Ронинг!

— Мой гросс!

— Где переростки?

— Они ушли.

Странно, очень странно, но, может быть, они не покидают Коднорских холмов, тогда вдвойне глупо было в них торчать. Если желтоволосому так нужно это пекло, пусть делает в нем, что хочет. Выкуривать его оттуда по приказу владыки будут другие переростки, а сейчас в Торнэлл! Как бы то ни было, нужно идти вперед, и идти быстро.

— Тех, кто не может идти, оставить здесь. Мы не можем задерживаться.

— Мой гросс, — замялся толстяк, — воинам это не понравится. Они могут подумать, что их ждет то же.

— Получивший увечье от переростка не может считаться хорошим бойцом. Когда они

окрепнут, они нас догонят, но мы не можем упускать победу из-за дурных воинов. Мы выступаем немедленно!

— Повиновение гроссу.

Ронинг боится, жирные всегда трусливы, а излишне худые с тонкими голосами глупы. Как Штребель! Но рядом с глупцами и трусами заметнее истинное величие. Маэлсехнайли Моосбахер усмехнулся. Он больше не станет слушать ничьих советов, и он победит. Залог удачи — исчезновение преследователей!

Платформа медленно катилась среди неубранных полей и оставленных деревушек. Воины с вожделением поглядывали на брошенные дома, в которых были погреба, но это потом! За Торнэллом ждут живые деревни и города, негоже гномам уподобляться мышам и собирать объедки, им принадлежит все. Мерное покачивание навевало дремоту, если бы не проклятое солнце, все было бы просто прекрасно. Штребель — дурак, но он знает, что и как сказать воинам, он объяснит, что гном, позволивший себя ранить, виновен перед богом Глубин и гроссом, гном должен побеждать...

— Мой гросс, впереди люди. Проклятье желтоволосому!

— Как далеко?

— Около четырехсот шагов. Мой гросс, это другие люди.

Они действительно были другими. Пешими... Прекрасно, это будет легкая победа, но она поднимет боевой дух. Маэлсехнайли чуть ли не с благодарностью смотрел на кое-как вооруженных переростков, попытавшихся перегородить тракт, проходящий меж двух отлогих склонов. Ни одной лошади, ни единой, только пехота!

— Боевое построение!

В первый раз за последние месяцы трубы сигнальщиков запели не просто громко, но весело. Они вырвались из сухой жаркой западни, и теперь пойдет настоящая, веселая война, война, о которой они мечтали, покидая Петрию!

Ощетинившийся железом зверь медленно и величественно двинулся на жалкий заслон. Люди молча ждали. И это тоже было хорошо, оскорбительные выкрики всадников доводили до иступления. До врагов оставалось сто двадцать шагов, сто, восемьдесят...

7

Конечно, эти катапульты и близко не стояли с теми, что были в крепости Зенкар, но от них и не требовалось простоять века. Десяток залпов, сотни две снарядов, и хватит.

Джеральд с усмешкой оглядел ползущий внизу шарт. Собрались раздавить почти безоружное ополчение, но зелье фаластымца Калиника будет для вас сюрпризом. Золотой Герцог с гордостью глянул на Джейн, мысль о катапультах принадлежала Деве, но секрета фаластымского огня не знала даже она. Наши дела возвращаются к нам странным образом. Он вусмерть разругался с ледгундскими тогда еще союзниками, запретив разрушать стены сдавшегося города. В благодарность бородатый фаластымец заставил «олбрийского витязя» запомнить, как смешивать горную кровь, смолу, серу и селитру. Он посмеялся, но все же привез с собой «горной крови» — черной, пахучей, маслянистой... Мало привез, но здесь много и не понадобится.

— Милорд, — барон Бин был бледен, но держался, — голова поравнялась с вешками.

Джеральд махнул рукой.

— Давай!

Катапульты жутко закрипели, подбрасывая в белесое небо камни.

Гномы родились и выросли среди камней, они знали камни, чувствовали их, даже молились им, но на сей раз камни стали союзниками людей. Здоровенные булыжники с грохотом обрушились на ползущий шарт. Они все рассчитали верно, они молодцы.

— Шары!

Только б он ничего не напутал, только б ничего не напутал фаластымец!

Глиняные шары устремились вслед за камнями и обрушились на недомерков. Они

разбивались, взрываясь жидким зеленым пламенем, каждая капля которого прожигала тело насквозь. Старик из Зенкара не солгал.

— Фаластымский огонь! — выдохнул барон Бин. — Фаластымский огонь!

Да, именно он, тайное и страшное оружие южан, все еще сдерживающее господних воинов на подходе к Святым землям. Ну, недомерки, что будете делать? Если у вас в голове есть хоть что-то, броситесь вперед, чтобы смести людей и захватить страшные машины. И это у вас получится...

— Барон, они сейчас пойдут. Мне пора. — Джеральд наклонился к уху барона и шепнул: — Берегите Деву.

— Милорд, не сомневайтесь.

Джеральд уже не слушал — на Бина можно положиться. Золотой Герцог склонился в поклоне перед Джейн:

— Моя леди, пожелайте нам удачи!

Она наверняка что-то ответила, но нельзя перед боем думать о голубых глазах. Джеральд вскочил на Уайтсоррея, успев заметить, что недомерки таки побежали к расстрелявшим свое катапультам. И прекрасно, значит, крестьяне не зря рыли волчьи ямы.

Лэннион уже был в седле, они махнули друг другу руками и тронули коней. Зачем слова? Все уже говорено-обговорено. Двумя клиньями из-за пешего ополчения с флангов, обходя ловушки, по смешавшейся толпе! Это уже не танец, не обман, это настоящий бой, который должен стать последним.

Бросок вышел стремительным и коротким. Обожженные и оглушенные гномы первых рядов пытались развернуться и отступить от волчьих ям, но не давали прущие сзади. «Ястребы» весом коней проломили строй, взметнулась секира Дэвида, отправив в преисподнюю гнома с золотой штукой на палке. Толпа смешалась, кто-то бросился вперед, в ямы, большинство подалось назад, мешая своим же.

Джеральд заприметил гнома в рогатом шлеме и каких-то цапках, гном пытался восстановить порядок и вообще, судя по всему, был начальством не из мелких. Золотой Герцог поднял Уайтсоррея на дыбы, заставив обрушить копыта на двоих карликов. Те свалились. Не глядя на них, герцог рванулся дальше, к рогатому, молясь, чтобы шлем не устоял перед мечом. Ему повезло — подгорные мастера честно отработывали свою плату, а мечам плевать, что рубить — фаластымских витязей, ледгундцев, куиллендцев или гномов. Свистнула сталь, и из одной рогатой головы получилось две, Джеральд стряхнул кровь с меча и огляделся. Гномов здорово потеснили, но до полной победы было далеко, а недомерки начали приходить в себя. Авангарду сильно досталось, но основные силы почти не пострадали, и еще оружие... «Ястребы» и дружина Лэнниона в подгорных доспехах, но остальным приходится солоно, а лошадям и того хуже. Золотой Герцог напоследок срубил еще одного коротышку и поворотил коня под надсадный вой гномьей трубы. Похоже, гномий вожак приказывает отступить. Правильное решение, ничего не скажешь.

8

Они не могли понаставить этих метательных штук на всех дорогах, люди вообще не умеют как следует строить, тем более машины. Нужно их обойти. Именно! Нужно обойти по полям и ударить ночью по пехоте. Даже теперь шарт сомнет любой строй...

— Ронинг!

— Мой гросс. — Бригштандер старался быть бодрым, но он боялся. Наследник цвергов боится людей, позор!

— Ронинг, мы идем в обход.

— Мой гросс...

Договорить толстяку не удалось. К подножию платформы подбежали десятка полтора воинов. Что-то случилось? В любом случае, гномы не должны бросаться к гроссу, им следует обратиться к своему непосредственному начальнику.

— Мой гросс! — воскликнул Штребель. — Вы только послушайте, что они себе позволяют!

Послушайте! Век бы такое не слышать. Позор, позор всему Подгорному племени!

— В лагере был мой брат, — вопил какой-то мерзавец, — мой единственный брат! На меня бросили его труп!

— Ты обещал нам победу, — проорал бывший рудокоп, — а мы тут сдохнем! Сдохнем!

Маэлсехнайли не верил своим ушам. Воины разинули пасть на гросса?! Куда катится этот мир! Маэлсехнайли указал дежурным штандерам на изменников:

— Четвертовать! Немедленно!

Адмонкарсель и Сcone Минтус махнули руками, два десятка Алмазных бросились вперед, но проскочили мимо смутьянов, окружив платформу. Неужели Пиновац опасается бунта? Гномы не бунтуют! Нельзя выказывать недоверие всем из-за нескольких негодяев.

— Пиновац, — Маэлсехнайли постарался придать голосу побольше твердости, — мои воины мне верны, нет нужды...

— Ты низложен. — Лицо начальника охраны было таким же, как всегда, и Маэлсехнайли не сразу понял, о чем речь.

— Маэлсехнайли Моосбахер, ты не можешь дольше вести гномов! — добавил Йель-бан-Тук-унд-цу-Плах.

— Предатели! — Глаза Штребеля налились кровью. — Воины Подгорного племени, вы...

Удар Лоппаринера сбил жреца с ног. Стоявший рядом Ронинг сын Кертъяльвальди охнул, присел, вскочил и побежал к краю платформы. Штак-бан-Хорден-унд-цу-Беер сбил его с ног, толстяк грохнулся на трап, покатылся вниз, звеня кольчугой и цепями. Двое охранников воткнули в землю секиры, останавливая упавшего, словно катящуюся бочку. Маэлсехнайли затравленно оглянулся и увидел вокруг себя лица, переставшие быть знакомыми. Пиновац, Йель-бан-Тук-унд-цу-Плах, Штак-бан-Хорден-унд-цу-Беер, Лоппаринер, Адмонкарсель, Сcone Минтус — все они смотрели зло и хмуро. Кто сказал, что гномы не предадут?

— Твое время кончилось, — зло процедил Лоппаринер, хватая стоявшую за тронем секиру цвергов.

— Изменники... — выдохнул Маэлсехнайли.

— Это ты — предатель, — огрызнулся Йель-бан-Тук-унд-цу-Плах. — Куда ты нас завел?

— Ты во всем виноват! — Палец Адмонкарселя устался на Маэлсехнайли, а Сcone Минтус крикнул Алмазным:

— Взять лжевоздзя!

Стражи, громко топоча, бросились по трапу вверх, Маэлсехнайли сделал шаг назад, оступился и сел, почти упал на трон. Пиновац грубо ухватил его за плечо:

— Встать, мерзавец!

Маэлсехнайли уперся в спинку трона и изо всех сил ударил зазевавшегося Пиноваца по колену. Тот взвыл и с проклятьем отдернул лапы. Так и надо, предатель, негодяй, ублюдок. Озверевший Моосбахер вскочил, на его плечах повисли Йель-бан-Тук-унд-цу-Плах с Штак-бан-Хорден-унд-цу-Беером, а Лоппаринер перехватил секиру поудобней, но не ударил, а отскочил, наблюдая за схваткой. Низвергнутый гросс зарычал, выплюнув вместе с кровью зуб, извернулся, норовя боднуть супостатов головой, на которой все еще был шлем, и тут что-то ударило несостоявшегося владыку между ног. Мир развалился на кучу вонючих рыжих осколков, и Маэлсехнайли потерял сознание, к несчастью, ненадолго.

Он пришел в себя на земле, руки и ноги были стянуты ремнями, один глаз заплыл и ничего не видел, а второй упирался в отвратительное растение с иззубренными листьями и бледными, словно налитыми гноем стеблями, оканчивавшимися серыми шарами. В носу Маэлсехнайли зачесалось, и он чихнул. Шар вздрогнул, вверх и вбок взлетело множество пушинок, они закружились, одна умудрилась попасть гному в глаз, но вытащить ее

связанными руками Моосбахер не мог.

Сзади кто-то возился, стонал и скреб землю, солнце немилосердно палило, ссадины и ушибы болели, откуда-то взялась целая туча блестящих мух, принявшихся нарезать круги вокруг поверженного вождя. Маэлсехнайли попытался их сдуть.

— Очухался, сволочь, — прошипел кто-то сверху, и перед связанным гроссом выросли ноги в кованых сапогах.

— Живучий! — Удар каблуком пришелся по больному, но на этот раз обморока не было. — Ишь, разлегся, гросс ...ый!

— Ну, щенков у него теперь точно не будет, — захохотал первый. Маэлсехнайли его узнал. Пиновац, предводитель его личной охраны. Предатель! Мышцы на руках сами собой вздулись, разрывая путы, сверху снова раздался смех:

— Корячься, корячься, авось полегчает!

Следующий пинок пришелся под ребра. Рядом кто-то взвизгнул и залопотал. Ронинг... Просит не бить... Маэлсехнайли вжался в пыль, стараясь не привлекать внимания, пусть бьют Ронинга, может, надоест и уйдут. Толстяк всхлипнул еще раз и заткнулся.

— Слабак, — отрезал Пиновац, — а туда же!

— Сволочь, — припечатал его спутник. Маэлсехнайли рывком перевернули на спину, над ним возвышались четверо его бывших охранников и два бригштандера.

— Вставай! — рывкнул Штак-бан-Хорден-унд-цу-Беер.

Маэлсехнайли попробовал, но связанные ноги затекли. Ретивый охранник занес ногу для удара, Маэлсехнайли дернулся.

— Хватит! — прикрикнул стоявший чуть поодаль Сконне Минтус. — Не все вам, переросткам оставьте!

Переросткам? Его выдадут?! Маэлсехнайли едва сдержал крик, кричать бесполезно. Адмонкарсель, Сконне Минтус, Лоппаринер, Пиновац откупаются его головой. Ничего, старик Якш устроит им в Петрии теплую встречу, очень теплую...

Мысль о том, что сделает Подгорный Владыка с вернувшимися, мелькнула только для того, чтобы сильнее высветить очевидное: он этого не увидит, его отдадут людям. Вдруг его, как Тюллера и Штребемунда, бросят на растерзанье ожившим деревьям, разорвавшим героев на части?! Фреймуту удалось донести до дому головы героев, их черепа, оправленные в золото, стали пиршественными чашами, но он, Маэлсехнайли Моосбахер, не хочет становиться чашей, он хочет жить!

Может быть, переростки возьмут выкуп, хотя Якш не станет платить. Он его ненавидит. И Шест-ам-Потиму он больше не нужен, ведь он не стал хозяином Феррерса... А если подсказать желтоволосому, как поставить на колени Петрию? Он знает все выходы, даже самые тайные!

Грубые руки подняли Маэлсехнайли, и он столкнулся лицом к лицу с Ронингом и Штребелем, тоже связанными. Ронинг шмыгал разбитым носом и просил пощады, маленький жрец изо всех сил задирает голову.

— Мой гросс, — выпалил он, — это предательство, гномы запятнали себя!

— Замолчи, — с ненавистью простонал Ронинг, — а то...

— Трус, — окрысился Штребель, — из-за твоей тупости...

Неужели он не заткнется?! Сейчас из-за него достанется и им. Упрямый ублюдок, надо было думать раньше!

Штребель продолжал рваться и вопить. Адмонкарсель кивнул охраннику, тот опустил на голову прикурка древко секиры. Штребель свалился снопом, его подхватили под руки и поволокли, Маэлсехнайли видел две полосы в пыли, которые оставляли ноги жреца. Затем бывшего гросса пихнули в спину, и Маэлсехнайли потрусил между двумя стражами, намотавшими на кулаки ремни. Из носа пошла кровь, вновь налетели мухи.

— Это тебе не на троне сидеть, — рывкнул идущий сзади Йель-бан-Тук-унд-цу-Плах. — Насиделся... задница! Из-за тебя все!

Сволочь. Сволочь, которая хотела стать вождем, но Маэлсехнайли знал, как говорить с

теми, кто хотел покинуть Петрию, а этот дундук — нет! Зато теперь раздулся. Тропинка пошла вверх, они лезли на какой-то холм, один из проклятых холмов, по которым скачут на своих зверюгах переростки. Маэлсехнайли чувствовал их присутствие, они были все ближе и ближе, отвратительно завизжала верховая тварь, раздался мерзкий гогот, что-то зазвенело, и его швырнули на колени. Он не мог разглядеть, что творится за его спиной, а перед глазами бывшего гросса были белые лошадиные ноги. Ноги стояли неподвижно, Маэлсехнайли видел прилипшую к блестящей шерсти сухую травинку и темное пятнышко чуть ниже колена, затем ноги отступили и сверху раздался голос. Человек заговорил на своем наречии, и Йельбан-Тук-унд-цу-Плах ответил. Мерзавец... Мерзавец, предатель, позор Гор...

Маэлсехнайли не удержался и глянул вверх, уже зная, что столкнется взглядом с жуткими зелеными глазами.

9

Джеральд терпеть не мог говорить с пешими, сидя в седле. Еще меньше он любил, когда под копытами его коня кто-то валялся, хоть бы и пленный. Уайтсоррей тоже не был в восторге, когда ему под ноги швырнули связанного гнома: кони недомерков недолюбливали, Джеральд полагал потому, что от них как-то не так пахло. Теперь же, как следует проявившись в доспехах на сумасшедшем предосеннем солнце, гномы стали серьезным испытанием даже для слабых людских носов. Де Райнор заставил Уайтсоррея отступить, стараясь не глядеть на недомерков в серебристых кольчугах, судя по всему, начальников сдававшейся сволочи. Бывших.

Молчание затягивалось. Гномы смотрели на предводителя людей, а предводителем был он, Джеральд де Райнор. Он и еще Дева, но Дева молчала. Золотому Герцогу мучительно хотелось оглянуться, чтоб убедиться — его рыцари и Дженни тут, никуда не делись, а бородатые уродцы, словно вылезшие из дурного сна или из кривых зеркал, просто побежденные враги. Увы, победители не оборачиваются. Победители возвышаются в седлах и смотрят на поверженных врагов сверху вниз, и Джеральд возвышался и смотрел, тем паче он еще не видел подгорных жителей так близко. Бои не в счет, в бою перед тобой ошетилившийся чудовищными секирами строй, потом строй рассыпается на фигуры без лиц, у которых на всех одно имя — Враг. Имена и лица враги обретают после победы.

Уайтсоррей переступил с ноги на ногу и передернул ушами. Устал стоять, все устали. Джеральд перехватил поудобней поводья, готовясь к неизбежному. Познание Золотого Герцога в гномьем не пошло дальше десятка зазубренных с помощью Дженни фраз, но победитель не обязан говорить на языке побежденного.

— Война окончена, — Джеральд постарался не выдавать охватившего его отвращения, — вы проиграли. Вы напали вероломно и принесли Олбарии неисчислимые бедствия, и вы за них заплатите в полной мере.

Пятеро бородачей в роскошных кольчугах, поверх которых болтались всяческие цапки, захлопали глазами, но шестой мерзавец, как оказалось, знал олбарийский. Гадина...

— Мы весьма сожалеть о причиненный разрушения, — гномьи глазки источали мед и сахар, — но мы есть солдаты, воин... Мы имеем приказ, его давал Маэлсехнайли Моосбахер. Вот он! Он был наш гросс, мы имели исполнять его приказ, но его приказы были, как это говорил... Преступный. Мы не могли долго терпеть, и мы свергать Моосбахер и его придворные. Мы — воины, а не убийцы...

А сожалели бы вы, черт вас бей, если б ваша взяла?! Сожалела ли хоть одна сволочь, когда жгла Сент-Кэтрин-Мид, когда с гоготом гоняла по горящим улицам кричащих девчонок, ломала, крушила, резала, упиваясь безнаказанностью?!

— Ваше раскаяние запоздало.

Джеральд старался смотреть поверх гномьих голов, благо это было нетрудно. Вдали синел лес, а в небе плыла птичья стая, лето безнадежно кончилось.

— Мы долго не могли решаться поднимать руку на наш гросс, — резкий голос гнома

был столь же мерзок, как и он сам. — Наш народ верит свой вождь, но Маэлсехнайли Моосбахер не достоин вести наш народ.

Недостойн? Судя по тому, что они творили, очень даже достоин. Золотой Герцог усилием воли оторвал взгляд от улетающих журавлей и посмотрел на связанных своими же вожаков. Дангельта, если он продует войну, ждет то же. Бэнки с Монротом подарят борова победителям или, вернее, продадут. Ты решил, что гномы достойны своего Маэлсехнайли, а достойны ли олбарийцы Дункана?

— Я не намерен устраивать торг! — рявкнул Джеральд, чувствуя, что у него начинается приступ бешенства. — Я принимаю вашу капитуляцию, но на даю вам никаких гарантий. О своей участи узнаете позже.

Руки сами развернули коня, смотреть на бородатые рожи не было сил. Еще немного, и он просто выхватит меч.

— Сэр Лэннион! Позаботьтесь отделить начальство от стада.

— Милорд, — в глазах графа мелькнуло беспокойство, — вы...

— Простите, Одри, — бешенство рвалось наружу, Джеральд сдерживал его из последних сил. — Мне нужно побыть одному.

Лэннион что-то ответил, но Джеральд уже дал шпоры коню. Застоявшийся Уайтсоррей рванул с места в карьер, в лицо ударил ветер, который, к счастью, не вонял гномами. Конь выскочил в поле, понесся, топча неубранную рожь, к лесу. Дальше, еще дальше, дальше и быстрее, потому что у Джеральда де Райнора нет сил смотреть на это уродство.

Золотому Герцогу уже приходилось принимать капитуляцию. Первый раз это было в Фаластyme у крепости Зенкар, второй раз они с Лесли Эсташем прижали к похожему на букву V оврагу обнаглевших куиллендцев, но те войны не шли ни в какое сравнение с нынешней. Так, обычные стычки людей с людьми — кто-то искал славы, кто-то добычу, кто-то пытался понять, на что годен. Гномы пришли за другим. Вырвавшимся из подземелий, очумевшим от простора и света, им хотелось жрать, ломать, насиловать, убивать, просто так, потому что дорвались... А их... как же его? Гросс... Мечтал стать хозяином островов, а людей превратить в скотину. И ведь у него был шанс, был, вот что самое мерзкое!

Синяя полоса впереди превратилась в зеленую стену, стена распалась на кусты и деревья. В темную зелень вплетались желтые лоскутки и алые ожерелья. Уайтсоррей развернулся и полетел вдоль опушки, перескочил какое-то бревно, миновал одинокий засохший дуб. Хитрец учуял ручей, что ж, пусть пьет, он, пожалуй, тоже не откажется. Джеральд спрыгнул в осыпавшуюся рожь, на зиму люди остались без хлеба... Дункан удавится, не поможет. Хватит ли в Элгелле зерна, чтобы прокормить еще и Айнсвик? Проклятье, он не удосужился узнать, какой нынче урожай, такие мелочи милорда не волновали. Самовлюбленный павлин!

10

Есть победы, которые были бы хуже поражений, если б поражение не означало смерть. Не только твою — того, что тебе дорого и что ты поклялся защищать. Любой ценой, даже ценой души и того, что священники называют вечным спасением. Эдмунд Доаделлин знал разные победы, знал и поражение, ставшее для него последним.

Если бы он выиграл Айнсвикскую битву и захватил Дангельта, ему было бы так же тошно, как сейчас Джеральду. Потому что одержать верх над дрянью унижительно, потому что побежденная дрянь валится на спину, болтает лапками и вопит о пощаде и о том, какая она маленькая и бедная. Он прощал не потому что верил в раскаянье, а потому, что не хотелось марать руки. Руки остались чистыми, а вот жизнь он потерял, и не только свою.

Многие путают слабость и силу с правотой. Для одних прав тот, кто сверху, для других победитель — всегда волк, а побежденный — овечка. Первые — подлецы, вторые — глупцы, безнадёжные глупцы, из-за которых проливаются моря крови.

Эдмунд Доаделлин смотрел на сидящего у ручья рыцаря, а видел себя после

Даргетской битвы. Если бы тогда кто-то нашел нужные слова, Айнсвика могло бы не быть, а значит, не было бы и этой войны, разоренных деревень, необрушенный полей, пустых, выжженных ужасом глаз. Джеральд Элгелл не должен повторять чужих ошибок, а с него станется.

— Джеральд!

— Моя леди! — В зеленых глазах плеснулась радость.

«Моя леди»... Ты опять забыл, что тебя нет, Эдон Доаделлин, что люди видят не короля, а большеглазую девочку, которая говорит странные вещи.

— Моя леди, я вел себя недостойно. — Джеральд с легкостью снял худенькое тело с коня. Война торопит жизнь, а жить — значит любить, но о любви ты будешь говорить с настоящей Дженни... Если разглядишь ее сквозь чужие слова и чужие дела.

Джеральд хотел что-то сказать, и Эдмунд даже знал что, потому и заговорил первым:

— Я знаю, почему ты уехал. Тебе претит быть победителем ничтожеств.

Де Райнор вздрогнул, потом опустил голову. Охватившая его ярость отступила, остались тоска и отвращение. Эдмунд знал, о чем думает Золотой Герцог: страшный, вышедший из легенд враг оказался мелкой дрянью.

— С чего ты взял, — бросил Эдмунд, — что зло должно быть величественным?

— Величественным? — Джеральд не понимал, чувствовал, но не понимал.

— Ты бы предпочел принять меч от коленопреклоненного рыцаря в черных доспехах, а тебе бросили под ноги жалких карликов. Но зло и должно быть мелким и неказистым.

— Но, — Элгелл казался удивленным, — наши враги не только гномы, но и куиллендцы и ледгундцы. Троанна не зря прозвали Черным Волком, он носит черный бархат и ездит только на вороных лошадях!

— А как он воюет?

— Троанн — рыцарь, он держит слово, не унижает пленных. Когда ледгундцы сожгли Дабр, он перевешал мародеров...

— Вот ты и ответил. Черный Волк — враг, но не зло, несмотря на вороных лошадей. С ним возможен мир, разумеется, после победы. Мир со злом невозможен, как невозможен мир с чумными крысами. Пойми это, пока не поздно.

Как же он похож на Фрэнси, на Фрэнси и на него самого до Айнсвика. Потому и может натворить тех же глупостей, а платить за них придется несчастным дженни. Бессильные обречены расхлебывать глупости сильных.

— Вспомни, что говорили беженцы. Ни один, Джеральд де Райнор, ни один не видел, чтобы гном вступился за старуху, женщину, ребенка. Теперь они ползают на брюхе и предают своих вождей. Убийцы и насильники почти всегда трусы и всегда предатели, а трусы и предатели, дорвавшись до власти, пляшут на трупах. В первую очередь на трупах тех, кто их щадил... А вторая беда — это зависть. Победителям завидуют, а это опасно, опасней войны.

Кажется, ты кричишь, Эдон? Успокойся, ведь тебя давно нет.

— Моя леди, я... Я не намерен прощать убийц, но нельзя же искать зло везде! Пусть меня прикончат в спину, это лучше, чем подозревать всех.

— Зло узнать можно, — тихо сказал мертвый король, — вернее, понять, где его нет. Зло не может быть красивым, лорд Элгелл, не может быть умным, не может быть великим. Удачливым, большим, даже огромным может, но не великим. Издали его еще можно спутать с чем-то достойным, но вблизи оно не черный рыцарь, а карлик в разноцветных тряпках. Уродливый и злобный из-за своего уродства и своего ничтожества, о которых ему известно лучше, чем другим. Зло всегда завидует, всегда хочет больше, чем имеет.

— Моя леди! — Джеральд смотрел с удивлением и ужасом, но это лучше, чем ткнуться в траву с кинжалом в спине.

— Молчи, Джеральд де Райнор, молчи и слушай! Если не ради себя, то ради тех, кто идет за тобой и верит в твою звезду. Не жалея зло, не восхищаясь им и не смея его прощать! Прибереги великодушие для тех, кто на него способен. Для того же Троанна... Надеюсь, оно

ему скоро понадобится. Ты вправе простить подлость, причиненную тебе, но не другим. И ты не должен забывать о тех, кому без тебя не выжить. Даже если не боишься смерти, даже если хочешь умереть, помни о них. О тех, кого, кроме тебя, защитить некому, я...

Эдмунд Доаделлин должен был об этом подумать. Его глупость обошлась слишком дорого.

11

— Моя леди, Эдмунд Доаделлин не мог по-другому, иначе он перестал бы быть собой.

— Перестал бы.

Серебристые глаза смотрели со странной отрешенностью. Дева была далеко от застигнутого осенью леса. Внезапно Джеральду показалось, что он подглядывает за чужой болью, и рыцарь торопливо потянулся к колючей ветке. Боярышник, королевское дерево... Почему весной так много белых цветов, а ягоды всегда или красные, или черные?

— Дед говорил, Малкольм Дангельт не смог носить корону Эдмунда. — Кому он это рассказывает? Деве? Себе? Этим кровавым ягодам?..

— Не смог?.. — эхом откликнулась Джейн. — Отчего же?

— Она его обжигала. Теперь у Дангельтов золотой венец с зубцами в виде трилистников, а старая корона хранится в сокровищнице. Ее никто не видит, дед говорил, она походила на венок...

— Да, — Дева все еще смотрела в небо, — на серебряный венок, сделанный так искусно, что цветы кажутся живыми. Считалось, что эльфы при помощи волшебства превратили настоящие цветы в серебро, потому что ни один ювелир не мог повторить подобное. И еще говорили, что корона Доаделлинов нечто большее, чем вещь... Она негодна злу.

— Значит, говорили правду.

Правду, потому что Дангельты те же карлики. Завистливые, злобные карлики, которые хотят всего и боятся, что придут такие же, как они, и отберут добычу. Дункан корчит из себя короля, но разве король будет сидеть в Лоумпиане, когда его держава горит с трех сторон? Разве король будет сводить счета и ревновать, когда гибнут люди?

Джеральд потряс головой, отгоняя навязчивое видение. Дункан Дангельт, огромный, краснорожий, стоит у камина, оперев руки в необъятные бока, а у его ног сидит шут — кривоногий карлик с широченными плечами и носом картошкой, не спускающий сальных глазок с придворных дам. Отпусти уродца бороду и напьяль доспехи, получится отменный гном, но надень на него корону и горностаевую мантию, чем он будет отличаться от короля? Разве что скверной рожей и еще более подлым нравом. Бедная Олбария... Бедная Олбария и бедный Эдмунд, побеждавший драконов и проигравший змее.

— Бедный Эдмунд. — Почему он все время думает об убитом короле? Уж не потому ли, что без Доаделлинов Олбария задыхается, или все дело в Айнсвике, к которому они снова вернулись?

— Эдмунд Доаделлин умер так, как жил, — рука Джейн легла на его плечо, — он не мог иначе, но ты не должен попасть в тот же капкан.

— Моя леди знает много о Доаделлинах, может быть... Я хотел бы увидеть могилу Эдмунда, если она есть.

— Есть... В Грэмтирском лесу. Если идти от Сент-Кэтрин-Мид вверх по ручью до поваленного дуба, будет поляна. Там тоже растет боярышник...

— Моя леди там бывала?

Дженни вздрогнула, длинные ресницы медленно поднялись.

— Я была на могиле короля, — ее голубые глаза смотрели испуганно и печально, — в ночь, когда сожгли Сент-Кэтрин... Я бежала, за мной гнались... До самой поляны... Сначала много, потом трое...

Трое дурно пахнущих ублюдков, с хохотом загоняющих Дженни... Проклятье, ну

почему его не случилось рядом, почему нас нет рядом именно тогда, когда мы нужнее всего?!

— Они... Они утонули, — закончила Дженни, — а я пришла к вам.

Пришла и сказала, что нужно делать. Дева Джейн, слышащая голоса, Дева Джейн, посылающая в бой, — и Дженни, дрожащая от ужаса в ночном лесу... Что она там видела или... кого? Дьявол и Преисподняя, не все ли равно! Он любит ее, и хватит врать всем и себе! Любит, кем бы она ни была. Он готов делить Деву и с Олбарией, и с небом, но Дженни не отдаст никому!

— Моя леди, я прошу у вас одного. Правды.

— Правды? — переспросила Дженни. — Но я не лгу... Я не могу солгать милорду.

А он не хочет быть милордом, не желает, и все, у него есть имя. Да, он воин, полководец, герцог, лорд Элгелла, но это в другой жизни, а для нее он — Джеральд!

— У меня есть имя, я хочу, чтобы ты звала меня по имени!..

Не надо орать, она же может испугаться. Дурак, он опять все испортил...

Джеральд резко разжал пальцы, и Дженни со стоном отскочила к усыпанному ягодами кусту, который словно бы обнял ее.

— Мой лорд... Я не могу... Вы же ничего не знаете...

Не знает и не хочет знать. Ему не нужны ее тайны, ему не нужна ни владычица, ни пророчица. Господи, я никогда ничего у тебя не просил, но отдай мне эту девочку, клянусь, я смогу ее защитить.

— Моя леди... Дженни... Я люблю тебя, и пропади все пропадом!

12

Он любит ее? Золотой Герцог любит ее?! К горлу Дженни подступил комок, она вцепилась в кисти пояса, не зная, что делать. Бежать? Но он догонит. Отказать? Но она... она не сможет отказать ЕМУ! Сказать «да»? Это подло. Он любит не ее, а то, что с ней происходит, когда она не понимает, что говорят ее губы. Джеральд — эльфийский рыцарь из сказки, но Эдельфлед полюбил дочь тана, а она — не принцесса, а судомойка, маленькая судомойка из сожженной деревни. Дженни закусил губу, чтоб не заплакать: когда на нее орала миссис Пулмсток, это помогало. Не всегда, но помогало. Девушка судорожно вздохнула и замотала головой:

— Мой лорд... я... я не могу!.. Нет...

Джеральд какое-то время молчал, потом подошел ближе. Его лицо снова было спокойным, с такой улыбкой он уходил в бой. Если б он не вернулся, она бы умерла.

— Моя леди, простите, если я причиняю вам боль, но я не отступлюсь. Прошу, скажите четыре слова: «я вас не люблю», и я уйду. Нет, не уйду, а помогу вам сесть на лошадь и провожу в лагерь. Клянусь никогда не возвращаться к этому разговору, но я должен знать. Не догадываться, а знать.

Правду?! Господи, как же ему рассказать? Он не поверит, никто не поверит, она сама не верит, пока на нее не находит...

— Мой лорд... Вы ошибаетесь... Вы меня не любите, не можете любить... Я... Вы... Вы — герцог...

Да, он — герцог, владыка Элгелла, любимец армии. Он думает, что она избрана небом, что она выиграла войну, но ее выиграл убитый король, а она — никто. Дурочка, искавшая спасения в лесу.

— Вы — герцог, — повторила Дженни, — и лорд Элгелла...

— Значит, герцог недостаточно знатен для избранницы ангелов? — Он улыбнулся, но как-то грустно. — Ты права. Ты достойна короля, настоящего короля, а не бросившего нас кабана в расшитом кафтане.

— Мой лорд...

Если бы она могла назвать его по имени, как он просил! У него такое красивое имя и

так ему подходит. Джеральд де Райнор, Золотой Герцог, лорд Элгелл...

— Ответь, — он подошел совсем близко, — я прошу тебя... Только правду, я приму любую.

— Вы не поверите...

— Поверю, даже если ты скажешь, что сейчас зима.

Зима? И вправду зима, вечная зима, потому что сейчас он уйдет и она замерзнет.

Изумрудные глаза были совсем рядом, ее лорд ждал ответа, и что могла она сказать? Только «да», и будь что будет! Потом он поймет, что ошибался, и уйдет, а у нее останется память о счастье, пусть краденом, пусть коротком, но счастье...

— Сядьте, милорд. Отойдите и сядьте. Вот и все... Она не скажет «да», она не Дженни из Сент-Кэтрин-Мид, а только голос, чужой голос и чужая воля.

— Я слушаю, моя леди. — Джеральд покорно опустил на траву. Как же ему больно...

— Дженни любит тебя. С первого мгновенья. Ее сердце, ее душа, ее мысли принадлежат тебе, но ты себе не принадлежишь. И я себе не принадлежал...

— Моя леди!..

— Нет, Джеральд де Райнор, не леди. С тобой говорит Эдмунд Доаделлин, король Олбарийский. Мы клялись защищать Олбарию, пришла беда, и я вернулся. Но я лишь тень, прикованная к своей могиле. Дженни стала моими губами, моими глазами, моей волей. Ей очень тяжело, но у нас не было другого выхода.

— Мой государь! — Джеральд сорвался с места и преклонил колени. — Мой государь! Как же я не догадался!..

— Я знаю, что ты сейчас предложишь. — Рука Дженни слегка шевельнулась, словно останавливая его порыв. — Это невозможно. Судьба послала мне Дженни. Я защитил ее от убийц. В Грэмтирском лесу мне подвластно многое, но я не мог его покинуть. Я попросил Дженни о помощи, она согласилась. Вряд ли она знала, на что идет, да и сам я не знал, но дело сделано... Я связан с Дженни до конца войны, потом я ее оставлю, она будет свободна. Теперь ты знаешь все.

— Мой государь, — глаза Джеральда блеснули, — я прошу вас принять мою службу.

— Я принимаю ее, лорд Элгелл. — Тонкие пальцы коснулись склоненной золотистой головы. — Не стыдись больше своего титула. Элгеллы всегда служили Олбарии, долг, любовь и радость — вот что вело их по жизни. Ты настоящий Элгелл, Джеральд.

— Я запомню... Ваше Величество, я прошу еще об одной милости. Я... Я прошу у вас руки Джейн. Я буду ждать столько, сколько нужно.

— А ты уверен в себе? Прости, что я спрашиваю, но какую Дженни ты любишь? Деву или...

— Обоих. Мой государь, я готов умереть за Олбарию и... за моего короля, за моего настоящего короля, но в жены прошу Дженни!

— Быть по сему!

— Благословите нас, Ваше Величество.

Дженни вздрогнула, когда ее рука поднялась и медленно опустилась в раскрывшуюся навстречу ладонь.

— Будьте счастливы.

Пожатие Джеральда было горячим и сильным, он и раньше брал ее за руку, но сейчас все было не так. Святая Дева, неужели это не сон?

— Джеральд...

— Дженни, это... Это ты?

Она кивнула, слов у нее не было, зато были слезы... Как глупо плакать от счастья.

— Я говорил с ним, — Джеральд привлек ее к себе, — он желает нам счастья... после войны...

— Я слышала. — Дженни больше не сопротивлялась. — Я все слышу, когда он говорит... Он сказал правду, я и в самом деле... Ты стоял у окна, а потом вдруг обернулся. Я бы тогда умерла, если бы не он... Он заговорил об Олбарии, он... Он думает о ней и... И о

нас тоже. Он боится за нас.

— Все будет хорошо, — Золотой Герцог осторожно поднял головку девушки, — война скоро кончится, еще до снега... Дженни, нашего старшего сына будут звать Фрэнси... Лорд Фрэнсис Элгелл, и будь я проклят, если он не будет достоин этого имени. А второго назовем Эдмундом.

Их сына... Об этом страшно думать, страшно и восхитительно. Страшным и восхитительным было все — ветки, усыпанные алыми ягодами, пахнущий медом ветер, отдаленные голоса. Дженни замерла в ожидании то ли смерти, то ли полета, как замирала в детстве над Солнечным обрывом. Тогда она не решилась прыгнуть — тогда, но не теперь. Дженни запрокинула голову так высоко, как только могла, и первая коснулась губами губ своего герцога.

13

Они вышли из леса как раз вовремя — еще немного, и их бы нашли. Чуть ли не сотня стрелков во главе с Лэннионом топтались возле привязанных коней, и среди них был кто-то чужой в запыленной котте.

— Мой лорд, — незнакомец преклонил колени, и тут Джеральд его узнал. Перси Эсташ, младший сын Лесли, славный малый, не трус, не подлец, не проныра. Странно, что Дангельт послал к ним Перси, Эсташи отродясь не ходили в королевских любимчиках.

— Рад тебя видеть, Перси. Что нужно Его Величеству?

Эсташ с сомнением глянул на запыленные сапога, и Джеральду стало смешно.

— Ты нас ни с кем не путаешь? Может быть, ты собирался ко двору?

— Нет, — покачал головой Перси, — при дворе нам делать нечего. Дункан думает о своей шкуре и своем золоте, а вы...

— О чем бы мы ни думали, уж точно не о тряпках, — Джеральд подхватил Эсташа под руку, заставляя подняться. — Так что хочет Дангельт?

— Милорд... Я... Я не из Лоумпиана.... Мы разбиты, хотя и лягушатникам досталось... Мы отступаем за нами — каррийцы и Троанн.

Ты хотел знака свыше, Джеральд де Райнор. Получи! Зря ты размышлял о будущем, твоя победа еще не мир.

— Отец жив? — Жаль, если Лесли убили, граф — славный человек, не то что некоторые.

— Жив, — в глазах Перси мелькнула благодарность, — только ранен. Если б не это, мы, может быть, и удержались бы.

Да, убить полководца часто то же, что убить победу.

— Он будет жить?

— Да, милорд... Он просил передать, что еще одного боя нам не выдержать.

— Дангельт знает?

— Отец пошлет гонца... уже послал... наверное, но... — Перси набрал в грудь воздуха и выпалил: — Нам нужны вы, милорд! Вы и Дева! Дангельт — трус и предатель, он... Вы знаете, что казна уже на корабле?

— Не знал, но не удивлен. — Джеральд оглянулся на Дженни. На Дженни или на Эдмунда?

— Милорд... — Перси перевел дух. Бедняга дышал, как загнанная лошадь. — Милорд... А Дева? Что скажет Дева?

— Господь любит Олбарю, — заверил Лэннион. — Дева нас не оставит.

— Не веришь, спроси сам, — предложил Джеральд, едва удержавшись от того, чтобы рассказать Перси и всему миру о своей любви и о том, что она взаимна. Не надо торопить события, не надо дразнить судьбу, сейчас главное — ледгундцы. Армия отступает к Лоумпиану... Где лучше всего дать сражение? К Вэлмотту не успеть, остается Деккерей!

— Моя леди... — Пока он может называть ее только так, но война рано или поздно

кончится, они смогут быть вместе. И будут! — Моя леди, сэр Перси Эсташ привез дурные вести. Приморская армия разбита и отступает.

Голубые глаза подернулись серебристым льдом, он так и не привык к тому, как подснежник становится сталью. Можно подумать, он привык к тому, что любит! К любви невозможно привыкнуть, но можно любить Дженни и служить своему королю.

— Когда вы будете у Деккеря? — Господи, Эдмунд думает так же, как и он!

— Моя леди, — Перси казался потрясенным, — отец будет у Деккеря через четыре дня, но нам не удержаться. У нас почти не осталось тяжелой конницы... Нам пришлось бросить ее в бой, не имея поддержки лучников.

— Пусть Троанн думает, что их у вас нет по-прежнему, — серые глаза задорно сверкнули, — тогда он захочет повторить то, что однажды удалось... Но нужно спешить.

— Пять дневных переходов, — буркнул Лэннион, — но куда девать этих ублюдков? Не тащить же с собой!

— А зачем? — Глаза Джеральда сверкнули. — Отберем у них железо. Все, до последней бляшки, и приставим к ним крестьян позлей. А к крестьянам приставим легко раненных и аббата.

— И то верно! — Лицо старого рыцаря просветлело.

— Мы придем, Перси, — Джеральд хлопнул молодого человека по плечу, — и придем быстро...

Резкий свист, вскрик, глаза Дженни, нет, глаза короля — серое, исполненное вечности сиянье.

Что-то с силой ударило Джеральда в спину, герцог не удержался на ногах, ткнулся лицом в траву, сверху навалилась какая-то тяжесть, раздался крик, ему ответил второй, третий, остро и горько запахло полынью...

14

Она ничего не поняла, но Эдмунд успел швырнуть ее тело между любовью и прилетевшей из леса смертью, остальное было неважно. Джеральд жив, он будет жить очень долго и очень счастливо, но как же больно, больно и холодно.

Дженни открыла глаза, это было тяжело, но зато она увидела Джеральда. Ее герцог стоял над ней на коленях, на его щеке была кровь. Господи, он же ранен!..

— Джер... — Надо говорить «милорд», тут столько людей... И еще гонец. — Милорд... вы ранены?..

Он покачал головой и улыбнулся, он что-то говорил, было видно, как шевелятся губы, но слов Дженни не слышала — их уносил пахнувший горечью ветер. Как шумят деревья, из-за них ничего не слышно, деревья и еще водопад. Откуда здесь водопад?

— Дженни!.. Дженни...

Она все же разобрала, что он зовет ее, но вот же она, здесь, с ним. Почему он так смотрит? Что-то случилось?

— Дженни...

Какие отчаянные глаза, но почему?! Он что-то говорил, потом любимое лицо заслонил кто-то пожилой и озабоченный. Старик кивал, коричневые губы шевелились... Почему ушел Джеральд? Он бросил ее?! Нет, не может быть... Боль прошла, но холод стал нестерпимым, чужое лицо расплылось в светлое пятно, и Дженни вдруг поняла, что должна сказать правду. Она крикнула, и ее услышали, потому что клубящаяся муть отступила, и она увидела Джеральда еще ближе, чем в прошлый раз.

— Я... я... тебя люблю...

Она должна это сказать! Пусть слышат все, нестрашно! Она любит и будет любить!

— Я люблю тебя!

— Дженни! Дженни...

Его слова уносили ветер и вода, они сливались с шумом рыжих крон. Как быстро

пожелтели деревья, еще утром они были зелеными... Как быстро пришла осень. Золотой водоворот закружил ее, она превратилась в подхваченный ветром лист и полетела сквозь падающие звезды, она сама была звездой, падающей звездой в бархатном лиловом небе, снежинкой, лепестком цветущего боярышника. Полет... Она так об этом мечтала, стоя над обрывом, тогда она не решилась прыгнуть, теперь ее никто не спрашивал. Пришло время полета, время счастья, свободы и радости. Как же она счастлива, но она была бы еще счастливей рядом с Джеральдом. Какими несчастными глазами он смотрел на нее... Почему? Что с ним? Где он?!

Летающие искры стали полупрозрачными тенями, ветер стихал, огненную джигу сменило легкое кружение.

— Дженни, — кто-то взял ее за руку. — Дженни, очнись!

Она открыла глаза. Слава Господу, это король, он снова ее спас.

Золотой вихрь умчался, они стояли на освещенной солнцем дорожке, пахло дымом, Дженни узнала этот запах — горьковатый, терпкий, бодрящий. Шумели сосны, в небе кружила одинокая птица, все было хорошо. Теперь Эдмунд был таким же, как она, — живым и настоящим. Он держал ее руку, она чувствовала жар тонких сильных пальцев.

— Милорд Эдмунд... Спасибо... Что случилось?

— Все в порядке... Теперь все в порядке, но тебя было непросто догнать, малышка.

Он улыбался, но Дженни чувствовала себя виноватой.

— Я... Я не хотела. Так вышло...

— Разумеется, не хотела, — серые глаза смотрели серьезно и ласково, — иначе я бы тебя не догнал.

— Милорд, — Дженни задала самый главный вопрос, — милорд, где Джеральд?

— Он придет, — заверил Эдмунд Доделлин, — обязательно придет. Только не сейчас, у него много дел. Тебе придется подождать...

— Я понимаю, — девушка очень серьезно кивнула. — Джеральд придет, как только сможет, а я подожду столько, сколько нужно.

— Вот и умница. Ничего не бойся, тебя найдут. Запомни имена. У Фрэнси Элгелла карие глаза и шрам на шее. Хью Дерракотт быстрый и худой, а Джон старше всех... Они тебя не обидят.

— Милорд, — Дженни ужасно не хотелось отпускать сильную руку, — милорд, а вы разве со мной не пойдете?

— Нет, — Эдмунд покачал головой. — Мне нужно вернуться к Джеральду. Передай Фрэнси, что новый лорд Элгелл достоин своего имени и что он будет всем добрым другом.

Дженни кивнула. Ей отчаянно хотелось заплакать, но она держалась. Запах дыма мешался с ароматом переспевшей малины и каких-то цветов, неподалеку звенел ручей...

— Мой государь, — Дженни сглотнула застрявший в горле комок, — вы не хотите идти или не можете?

— Не должен... Я дважды решал за тебя, я занимал твое место, теперь ты займешь мое. Это счастливый край, девочка, время здесь летит незаметно. Ты встретишь друзей, к тебе придет Джеральд, постарайся его узнать...

Узнать? Она узнает его с закрытыми глазами, сколько бы лет ни прошло и каким бы он ни стал!

— Вот и хорошо. — Эдмунд поцеловал ее в лоб. — Он тебя любит, он к тебе придет. Ну же, беги...

Она послушно побежала по усыпанной золотистыми иглами тропинке, но на повороте оглянулась — просто так, чтобы махнуть на прощание рукой. Сзади никого не было — ни короля, ни тропы. Только пронизанные неистовым светом янтарные стволы и какие-то невысокие кустики с блестящими острыми листочками.

Рядом шумело, выло, мелькало, но Джеральд видел только заострившееся личико, удивленно поднятые брови, светлую прядку, прилипшую к лицу... Матерь Божия, за что?!

— Милорд!

Кто-то звал его. Издалека, из другого мира, времени, Вселенной.

— Милорд, мы его поймали...

— Кого? — Де Райнор заставил себя узнать веснушчатого человека в новеньком шлеме с ястребом. — Дэвид? Кого поймали?.. Зачем?..

— Убийцу! — с отчаяньем выкрикнул капитан. — Мы поймали убийцу Девы...

Они его поймали, они его разорвут на куски, но что с того? Джеральд де Райнор коснулся еще теплой руки.

— Почему? — он сам не знал, о чем спрашивает и У кого. Почему она умерла, а он жив? Почему вокруг столько боли? Почему любовь приходит лишь для того, чтобы всадить в горло нож?

— Мой лорд, выпейте.

Он выпил, но вкуса не почувствовал, только понял — что-то крепкое. Чья-то рука услужливо убрала флягу. Перси?.. Что он тут делает? Ах да, ледгундцы... Эсташ ранен, им нужна помощь.

Джеральд поднялся без посторонней помощи. Убийцу держали двое — «ястреб» и кто-то из людей Лэнниона. На земле валялись зеленая куртка, черный пояс, нож с роговой рукоятью, лук, настоящий олбарийский лук. Лесничий? Пречистая Дева, что ему сделала Дженни?!

Пойманный молчал, разевая и закрывая рот, из которого вытекала струйка крови. Его следовало допросить, но Джеральд не мог разжать губ. Он бы взвыл в голос или схватил бы тварь за горло, но нельзя быть слабым, когда... Когда нужно сжать зубы, поднять людей и идти к побережью. Гномы разбиты, но остались ледгундцы, остались каррийцы, остались куиллендцы. Эдмунд велел остановить их у Деккеря. Эдмунд, Дженни... Матерь Божия, ну почему они, а не он?! Почему?

Джеральд смотрел мимо человека, одним выстрелом убившего двоих и целую страну, а перед глазами плыли и кружились искаженные горем лица, образуя два кольца, черное и красное...

— Он убил Деву, — взревел кто-то без имени и лица, — на костер его!..

— На костер!

Еще не зажженное пламя вспыхнуло в сотнях глаз. Они сожгут убийцу и будут правы, но легче не станет никому. Джеральд устало прикрыл глаза. Дженни мертва, Эдмунд исчез, он остался один и должен жить, потому что война и не думает кончаться. Нужно идти на помощь Эсташу, немедленно идти...

— У меня... Маржори, — вдруг забормотал лесничий, — Маржори... мы ждем ребенка...

— И поэтому ты...

Круг вокруг стрелка начал сжиматься, и Джеральда словно что-то толкнуло. Золотой Герцог стремительно прошел между расступавшихся воинов и, глядя убийце в глаза, раздельно произнес:

— Кто тебя послал?

— Я, — стрелок выплюнул выбитые зубы, — я... хорошо... стреляю...

Слишком хорошо! Ублюдок, чудовище, продажная тварь... Но Дженни — святая, почему Господь не отвел стрелу?!

— Кто тебя послал?

Тот вздрогнул и опустил голову. У стрелков угрожающе сжались кулаки, но Джеральд все так же ровно продолжил:

— Кто держит твою жену в заложниках? И где?

— В... В Лоумпиане... Я... Я — лесничий в Бэнкшире. Милорд Бэнки...

Нет, это не Бэнки, это Дангельт! Дункан Дангельт, ублюдок и предатель... Они

просили помощи против гномов, но ничего не получили, кроме уверений, что епископ Лоумпианский будет молиться за них и Олбарю. У Дангельта не нашлось ни одного воина, чтобы помочь, ни одного подгорного меча, зато нашелся убийца.

— Ты выбирал между Олбарией и женой и выбрал жену. Если б ты был королем, тебя следовало убить, но ты лесничий... Живи, если сможешь...

— Милорд, — убийца дрожал, как осиновый лист, — милорд... Я не стрелял в Деву... Я стрелял в вас.

Это правда. Серебряный свет в глазах Дженни, странный толчок. Его спас Эдмунд. Оттолкнул и прикрыл телом Дженни, потом сверху навалился Перси. Эдмунд спасал его для войны, а вот он свою любовь не спас. Проклятый врач был прав, чуда не произошло, чудес вообще не бывает, это сказки для слабых, для тех, кому страшно жить. Ему жить не страшно, ему жить не хочется, но придется, и не просто жить, а воевать, мириться, потом поднимать разрушенное...

16

Элгелл не бросит вызов королю, пока в стране хозяйничают ледгундцы и куиллендцы. Какой бы тварью ни был Дункан, подняв руку на него, ударишь Олбарю. Год, даже месяц назад Джеральд де Райнор очертя голову бросился бы на убийцу возлюбленной, но Эдмунд его научил думать не только о своей боли. Эдмунд и Дженни, но о ней не надо...

Джеральд как безумный готовился к маршу на Деккерей, не спал, ел на ходу, носился между тремя лагерями. Это были его люди, его армия, он отвечал за них перед богом, перед собой, перед Эдмундом и Дженни.

— Джеральд, — Лэннион изо всех сил скрывал сочувствие, за что де Райнор был искренне признателен, — все готово.

— Готово? Что? — Воистину он поглупел, не понимает самых простых вещей.

— Для похорон. — Лэннион положил руку ему на плечо. — Надо идти.

— Нет! — отрезал де Райнор.

— Но аббат ждет.

— Дженни... Деву похороню я. В Грэмтире, где она впервые услышала голоса.

Там, где ее спас мертвый король, но об этом чужим знать не обязательно. С Дангельта станется отобрать у Эдмунда а его последнее убежище, разорили же они могилы Элгеллов и Глоу.

— В неосвященной, земле?

— Она освящена!

С Джеральда словно спали опутывавшие его цепи. Золотой Герцог знал, что прав. Место Дженни рядом с Эдмундом, они делили одно тело, они будут вместе в земле, которую сберегли. О том, где теперь их души, Джеральд старался не думать. Так же, как и о Дангельте.

Гроб был готов, но он понес ее на руках, завернув в плащ Элгеллов. Прямо по воде. Ручей кружил золотые листья, росшие по берегам деревья тянули друг к другу ветви и не могли дотянуться. Сзади раздавался плеск, Джеральд знал, что за ним идут Лэннион, Перси, Дэвид, пробирается, придерживая полы рясы, аббат, твердо решивший исполнить свой долг и водрузить в изголовье Девы увитый миртом крест, а за ними бредут воины, монахи, крестьяне. Джеральд был им благодарен, но лучше б их не было.

Зашуршали тростники, перед лицом рыцаря мелькнула поздняя стрекоза, закружился в полете еще один лист — рыжий, с алыми прожилками. Кровь и золото, вот цвета осени... Дорога кончилась, все было именно так, как говорила Дженни, — перегородившее ручей мертвое дерево, небольшая поляна, заросли боярышника. Джеральд положил свою ношу среди мать-и-мачехи и тяжело опустился рядом. Усталость, которую он третий месяц гнал от себя, вцепилась в герцога, как клещ или как память. Мыслей в голове не осталось, не осталось даже боли, только желание ткнуться лицом в жесткую траву и осознание

невозможности этого. Джеральд сидел рядом с Дженни, а Дэвид и не уступивший никому этой чести Перси снимали ножом дерн. Потом они взялись за лопаты.

— Милорд, — вопль Дэвида разом перекрыл шум листвы и дружное бормотанье монахов. — Милорд!.. Господи!..

Джеральд вскочил на ноги, уже догадавшись, что они нашли. А он отчего-то думал, что Эдмунд лежит посредине поляны. Вцепившись в плечо Лэнниона, лорд Элгелл смотрел на показавшиеся из-под земли ветки, усыпанные алыми плодами. Они казались только что срезанными, но им было сорок восемь лет!

— Господи!.. — еще раз прошептал Дэвид. — Королевское дерево...

Забросать яму землей? Уйти? Нет! Раз так вышло он отдаст Эдмунду последний долг. Если потребуется, построит здесь церковь или крепость, но Дангельт сюда не сунется. Не посмеет!

— Снимите ветви, — произнес Джеральд. — Нет, я сам.

Он спрыгнул в яму, земля пружинила под сапогами, ветки были тяжелыми и влажными, бурый шип впился в руку, показалась кровь. Значит, это не сон. Джеральд глянул вверх, над ямой нависали люди, они еще не знали. Сорок восемь лет, ровно сорок восемь, сегодня годовщина Айнсвикской битвы... Случайность или предначертание?

Под ветвями был плащ с гербом Элгеллов, изодранный, с бурыми пятнами. Джеральд замер, подняв глаза к небу, губы его шевельнулись, произнося имя убитого. На лесной поляне было тихо, словно в храме, да это и был храм, и куполом его было синее небо. Джеральд наклонился и резко сдернул плащ Фрэнсиса. Раздался вздох, кто-то повалился на колени, кто-то приглушенно вскрикнул.

Эдмунд, одетый как простой рыцарь, лежал на спине. Он казался спящим. Тление пощадило последнего из Доаделлинов, но это было еще не все. Темные локоны Эдмунда венчала дивной работы корона, в которой сквозь золото листьев прорывался рубиновый огонь. Корона, порожденная самой землей взамен украденной узурпатором.

— Он свят, — твердо произнес аббат Айнсвикский, — и да будет свято имя его. Да святятся во веки веков имена святого Эдмунда и святой Джейн Айнсвикской.

— Аминь, — шепнул кто-то, кажется Дэвид. И тут король открыл глаза, глаза Девы, они были серебристыми, как выхваченный из ножен клинок, поймавший солнце.

Поляна шумела, дышала, молилась, а Джеральд видел только глаза короля, знакомые глаза на бледном красивом лице. Как же он был молод...

Джеральд так и не понял, как выбрался из ямы, но он стоял на одном колене, глядя снизу вверх на воскресшего короля, а Эдмунд смотрел на своего вассала, и, кроме них двоих, в целом мире не было никого.

— Ты пришел вовремя, Джеральд де Райнор лорд Элгелл! — Эдмунд говорил негромко, но четко, и каждое его слово запоминалось навеки. — Знай, что ты и только ты — мой законный наследник и преемник. Разбей ледгундцев и куиллендцев и иди на Лоумпиан. Наследник Доаделлинов, ты принадлежишь не себе, а Олбарии. У нее нет никого, кроме тебя! Пусть же и она станет для тебя всем.

Эдмунд медленно поднял руки, снял осеннюю корону и возложил на голову Джеральда:

— Да пребудут с тобой победа и милосердие, Джеральд де Райнор, король Олбарийский. Тебе суждена долгая дорога, ты пройдешь ее до конца. Делай, что должно, а твоя Дженни тебя дождется. Будь справедлив и помни!

Последний из Доаделлинов улыбнулся, в ясном небе вспыхнула тройная радуга, порыв ветра сорвал и закружил золотые листья, принесся запах дальних костров. Король исчез. И король остался.

Будь справедлив и помни!..

Эдмунда больше нет, нет нигде, он и так свершил невозможное, отдав жизнь, душу, вечность тем, кто остается, а дальше идти тебе, Джеральд де Райнор.

Будь справедлив и помни!..

Помни, как в час истаявшей надежды в устье Йенны вошли крылатые корабли.
Помни, как эльфийский принц прижал к груди смертную.
Помни, как цветы боярышника, обратившись в серебро, увенчали кудри первого Доаделлина.
Помни, как падали враги, а над головой трепетало треугольное знамя с цветущим боярышником.
Помни, как умирали друзья, не предавая ни сюзерена, ни Олбария, ни дружбу.
Помни горящие дома, растерзанных женщин, беженцев, дерущихся из-за корки хлеба.
Помни корчащееся у твоих ног зло.
Помни алые ягоды, первый поцелуй, ставшим последним, свист стрелы, глаза убийцы.
Помни. И живи! Неси в себе осень, защищая еще не родившуюся весну.
Джеральд устало прикрыл глаза, и сквозь черное кольцо горя и алое ненависти послышался спокойный и ясный голос:
— Делай, что должно, король Олбарийский... Твоя Дженни тебя дождется.
Джеральд медленно обнажил меч.
— За святую Джейн и олбарийский боярышник!

ЭПИЛОГ. ВЕСНА. ВЕЧНОСТЬ

- За святую Джейн и олбарийский боярышник! — воскликнул Джеральд де Райнор, а аббат Гастингс Айнсвикский возгласил:

— Ты венчан на царство святой Джейн и самой Олбарией.

Воины и крестьяне согласно преклонили колени, принося клятву верности новому сюзерену. Похоронив Джейн, де Райнор выступил в поход. На его призыв откликнулась вся страна. Тысячи людей стекались под знамена с цветущим боярышником. Приходили старики и юнцы, знатные лорды и крестьяне, монахи оставляли свои кельи, а моряки покидали свои корабли. Армия нового короля сбросила ледгундцев и каррийцев в море, развернулась к горам и обрушилась на вероломных куиллендцев.

До первого снега страна была очищена, а Дункан Дангельт позорно бежал. Дальнейшая его судьба неизвестна. Одни говорят, что корабль преступного короля затонул во время бури вместе со всем, что на нем находилось, и рыбы морские стали обладателями ненужных им золота и гномьих мечей. Многие утверждают, что убийца святой Джейн, злоумышлявший против своей страны и своего народа, не обрел покоя, и его дух бродит вдоль кромки прибоя, ибо отталкивают его вода и земля и навеки закрыты для него горные тропы. Достопочтенный Эндрю Эгейчик, побывавший спустя восемнадцать лет в Камбардии, клялся, что видел там Дункана Дангельта, седого и грузного. Он был женат на мещанке и давал деньги в рост, а привратником в его доме служил лорд Майкл Бэнки. Так ли это, нет ли, но Господь в великой мудрости своей наказал сына узурпатора предателя и убийцу забвением, ибо никто не знает, где его могила. Могилу же отца его разорили отступавшие куиллендцы...»

— Так им и надо! — воскликнула одиннадцатилетняя Вирджиния, а ее двенадцатилетний брат Родерик важно кивнул.

Мистер Кламси с удовлетворением глянул на притихших питомцев. Брат и сестра Эсташи порой бывали невозможны, но они умели слушать. Мистер Кламси нарочито медленно перевернул страницу.

— Далее Джориан, прозванный также Безумным Книжником, пишет, что это было единственное из совершенных куиллендцами бесчинств, о котором никто в Олбарии не сожалел.

— А что стало с милордом Джеральдом? — Вирджи больше всего волновала судьба Золотого Герцога.

— Моя леди, — улыбнулся учитель, — вы же видели в галерее картину. Его Величество Джеральд Первый на Айнсвикском поле.

— Так это он? — надула губки девочка. — Фи... Он там старый.

Учитель едва сдержал улыбку. Детству ближе рыцари с мечами, а не поседевшие от забот короли, но детство не вечно.

— Он долго жил и мудро правил, — резко произнес Айзик Кламси. — Джеральд де Райнор восстановил то, что было разрушено, и построил много нового. Его любили при жизни и оплакивали после кончины.

— А корона? — Глаза достопочтенного Родерика горели. — Расскажите ей про корону, она еще не слышала!

— Корону Эдмунда Доаделлина нашли после бегства Дангельта. Она и впрямь хранилась в закрытом ларце, но на ней не было ни листьев, ни цветов — только серебряные ветки с шипами. Серебряный боярышник осыпался, коснувшись узурпатора. Теперь эта корона хранится в аббатстве Святого Эдмунда, что король Джеральд Второй воздвиг на Айнсвикском поле. Корона, которой Эдмунд Доаделлин короновал Джеральда де Райнора в Грэмтирском лесу, цела и находится в Тронном Зале королевского дворца.

— И все равно, зачем Джеральд женился? — вздохнула Вирджи.

— Короли должны жениться, чтобы иметь детей, — наставительно произнес Рори.

— Подданные нашли своему государю добрую королеву, — подавил улыбку мистер Кламси, — и государь принял ее, но вся Олбария знала, что Джеральд де Райнор женился лишь из чувства долга, а сердце его похоронено в Грэмтирском лесу. «Золотой Джеральд умер вместе с Джейн, но родился великий государь» — так записал Джориан, и никто не скажет лучше.

Через год после смерти Девы Святейший Папа прислал буллу, позволяющую венчать спасителя Олбарии на царство. Церемонию собирались провести в соборе Святого Квентина, но Джеральд сказал, что он наденет корону в Грэмтире в годовщину гибели Эдмунда Доаделлина или же обойдется без церковного благословения. Папский нунций кардинал Валентине Паголо был весьма недоволен, но Олбария встала на сторону своего кумира, и папский посланник уступил.

В день коронации боярышник на могиле Джейн и Эдмунда расцвел, нунций счел это знаком свыше и Донес сие до Святого Престола. Папа внял голосу высшей воли и причислил Деву Джейн и Эдмунда из Рода Доаделлинов к лику святых.

Джеральд Первый дожил до семидесяти лет, он умер в начале зимы, не оставив завещания, но его положили рядом с Джейн, а на исходе лета над их могилами вновь расцвел боярышник и с той поры цветет каждый год. Цветет не весной, но осенью, в день, когда погиб последний Доаделлин, в день похорон святой Джейн, в день, когда папский нунций и архиепископ Лоумпианский провозгласили Джеральда де Райнора королем Олбарии и Изумрудного острова.

— Расскажите еще, — попросил сэр Родерик Эташ.

— Завтра, а сейчас вы займетесь арифметикой, учитель поднялся и вышел, оставив Рори наедине с режущим сукно негоциантом, а Вирджи с яблоками, которые следовало разделить между тремя кузенами.

Брат и сестра переглянулись, вздохнули и принялись за уроки, хотя мысли их витали на Айнсвикских холмах, ставших для них реальной шумящей за окном улицы. И они были правы, потому что поняли в этот день главное: в этом мире есть и то, во имя чего стоит жить, и то, во имя чего не страшно умирать.

Они были, эти дети, учили свои уроки, ссорились, мирились, замирали над старыми легендами потому, что много веков назад Джеральд де Райнор превозмог свою боль и поднял меч Доаделлинов. Король давно ушел в небытие, но осталась страна, которую называют Олбарией, и в ней по-прежнему умеют любить, прощать и, если нужно, сражаться.

— Рори, — леди Вирджиния отложила перо и подняла голову от тетради, — давай вечером поиграем. Ты будешь Золотым Джеральдом, а я — святой Джейн.

— Давай, — обрадовался достопочтенный Родерик и посадил кляксу.